

ИГОРЬ СВИНЬИН

Гончая Бера

Игорь Свиньин

Гончая Бера

«Издательские решения»

Свиньин И.

Гончая Бера / И. Свиньин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830075-2

Мир-яйцо, созданный Бером. Эпоха меднокаменного века. За скорлупой пределов лежит тьма изначальная, стараясь просочиться сквозь трещины в солнечную обитель и разьесть ее изнутри. Два вечных врага — Волк и Ворон — бьются насмерть за владычество над миром, забыв, что они братья, стражи его рубежей и только вместе смогут сохранить его от гибели...

ISBN 978-5-44-830075-2

© Свиньин И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Книга Зоула: Багровая нить	7
Глава 1. Море и лес	8
Глава 2. Костер и звезды	15
Глава 3. Луна и камни	21
Глава 4. Вода и огонь	27
Глава 5. Волны и ветер	33
Глава 6. Нити и гребень	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Гончая Бера

Игорь Свињин

...Слышал я, что весь наш мир с солнцем и луной, бескрайним небом и звездами, землей и водой, зверем и рыбой, всего лишь яйцо, что лежит под крылом у спящего ворона...

© Игорь Свињин, 2016

© Бэньшета, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Седой волк осторожно просунул нос сквозь плотную молодую поросль на опушке леса. Открытая, залитая медовыми предзакатными лучами поляна пугала. Яркий свет резал глаза, и он недовольно заворчал. Но вокруг было спокойно, лишь игривый ветер шелестел высокой травой.

Решившись, зверь бесшумно и стремительно пересек пустошь, сшибая грудью венчики цветов. Синие лепестки еще кружились в воздухе, когда он укрылся в спасительной тени подлеска, и там затаился, вслушался в многоголосую тишину, нервно поводя ушами, поднял морду, втянул воздух и вновь устремился на восход. Позади в прорехи лесного полога заглядывал нависший над окомом, багровый небесный глаз.

Уже много дней волк бежал вслед за утренней звездой. Кончились бескрайние ковыльные степи, уступив предгорьям, укутанным плотным одеялом сумрачных дубовых лесов. Потом море зелени расступилось, вспоротое грубым камнем скал. Не посмея ступить на голые, испятнанные серым лишайником уступы, беглец отыскал проход – глубокое ущелье, вышел по нему на равнину, поросшую надменными хвойными великанами, янтарными колоннами для изумрудной кровли лесного храма.

Серебряная луна, провожая зверя холодным взглядом, успела дважды истаять до тонкого серпа и вырасти вновь, летние травы начали жухнуть в предчувствии осени, а он все мчался вперед. При свете дня и в прохладном мраке ночи, не замечая жажды и голода, боли в разбитых лапах и усталости, обходя стороной редкие человечесь селения. Жители леса сами уступали дорогу, лишь почуяв его приближение.

Волка гнал страх. Слабым, почти неощутимым холодком гнездясь меж лопатками, временами он вспухал памятью жгучей боли от вонзившихся в загривок когтей. Страх парил черной точкой в раскаленных солнцем небесах, крылатой тенью скользил по пятам в сумерках, шелестел невидимыми крыльями в хрустальной тишине ночи. Очень редко волк позволял себе охоту или краткий отдых. Но даже во власти сонных видений ощущал враждебный взгляд, нацеленный в спину. Вот и теперь он чуял – враг настигает, и ускорил свой и без того стремительный бег.

Огненный глаз почти скрылся за порогом неба, когда нос зверя уловил непривычные запахи водных трав, рыбы и мокрых камней, запахи большой воды. К ним был примешан пряный, щекочущий ноздри, смутно знакомый привкус. Он породил беспокойство, шевельнув память о пережитом, но страх вновь погнал вперед

В сгустившихся сумерках пришел ветер. Сосны зашумели, размахивая ветвями, стараясь дотянуться, порвать в клочья низкие тяжелые облака. Воздух стал сыр и холоден. По земле, стволам и веткам ударили первые тяжелые капли, и вскоре все звуки утонули в вязком шуме дождя. Струй ливня, хлестали по морде, почти ослепив беглеца.

Лес неожиданно кончился. Зверь оказался на вершине гранитной скалы, застыл над обрывом. Позади высились сосны, а перед ним расстилалась черная бескрайность моря, едва

различимая в сумерках по седым гребням волн, увенчанным клочьями пены. Столь же темный облачный покров над ним рвали на части голубые сполохи

Волк понял, что угодил в ловушку и скорее ощутил, чем услышал сквозь рев бури зловещий шелест за спиной. Отбросив уже напрасный страх, зверь повернулся к врагу, оскалив клыки, собрал остатки ярости для последней, смертельной схватки. Белая шерсть встала дыбом, голубые искры потекли с ее кончиков, окутав беглеца сияющим ореолом. Из мутной, полной хлестких капель, тьмы на него падала угольно-черная тень. Летучий призрак распахнул крылья. Когти вцепились в морду, ударил тяжелый клюв. В ответ зверь впился зубами в плоть под жесткими перьями, ударил лапой. Голубое пламя столкнулось с темной пеленой, и белая огненная стрела сорвалась с неба, ударила в утес.

Скала дрогнула, брызнув осколками. Волк ощутил, что летит вниз, туда, где яростные волны с ревом бьются о камни берега.

Часть 1. Книга Зоула: Багровая нить

...Тучны ваши стада, щедры нивы и сады в цвету, высоки стены городов, крыты лазурью дворцы, а храмы гордых богов царапают шпильями небо. Но ведаю, день придет, и ворон распахнет над вами черные крылья...

Белый, голубой и черный. Мрамор, бирюза и агат. Иных цветов нет. И снег, и синие тени и темные, запятнанные серым лишайником скалы, и низкое небо кажутся лишь осколками самоцветов в дорогой лоарской мозаике. Плоской шлифованной картинкой застывшей и безмолвной. От них тянет вековечным холодом последнего берега. Тысячелетиями льда и мороза.

Расстилаю шкуру на одном из округлых выступов, смахнув белую шапку, и сажусь, повернувшись спиной к каменной стене. Подо мной ущелье – дорога ветра, широкий пролом в скалах. Ее начало – два острых пика по сторонам разлома. Это Врата Бера. Где-то внизу на дне, скрытом дымкой тумана, должны остаться следы его лап. Может быть, я увижу их, когда направлюсь к Вратам. Не сейчас. Позже.

Сгребаю перед собой горкой ледяную крупу и осторожно достаю из мешка сверток. Разворачиваю мягкие беличьи шкурки. У меня на коленях покоится Осколок радуги. Он похож на плоский, небрежно отесанный по краям, кусок толстого льда. Только это не замерзшая вода. Это камень. Он удивительно прозрачен, бесцветнее ключевой влаги и утреннего воздуха, но тяжесть лежащего в руках груза не дает глазам обмануть меня.

Ставлю кристалл на снег, вдавив в белый холмик, и он расцветивает мертвую белизну, раскинув вокруг кольцо радужных игл. Грубые изломы собирают даже скудный, процеженный облаками, свет низкого солнца. Чуть ниже Осколка кладу еще один камень, на этот раз обычную, с ладонь, пластину серовика, огородив с трех сторон плитками побольше. В крохотное укрытие прячется от ветра медная плошка с тюленьим жиром и фитилем. Кристаллу нужен огонь. Настоящий, живой пламень.

Хорошо, что дует слабый тягун, а не переменчивый и порывистый буранник. Не нужно будет разводить большой костер. Пучок искр от кресала легко зажигает трут, и фитиль расцветает крохотным, синим язычком. Он крепнет, разгорается. Тепла от него немного, но Осколку и этого довольно.

Теперь нужно ждать. Терпеливо слежу, как глубина прозрачной пластины впитывает слабые отблески трепещущего пламени, наливаясь синевой. Смотрю через кристалл в проем Врат, сквозь густеющую дымку в серую даль, пока не начинают слезиться глаза. Наконец из голубого марева выходят тени. Серые призраки на белом покрове Последнего Берега. Вглядываюсь в смутные силуэты, застывшие передо мной полукругом.

Зачем я их позвал? Разрешить сомнения? Спросить совета? Хоть на мгновение отогнать одиночество? Развеять страх? Чего бояться дважды умершему?! Еще раз оглянуться, вспомнить пройденный путь? Лишь в этом они и могут мне помочь.

Я смотрю на троих.

Кто начнет рассказ первым?

Справа стоит юноша в кожаных штанах и башмаках, в меховой куртке, расшитой узором из перьев. Серые волосы собраны на затылке в узел, увязанный шнуром. Лицо хранит тень улыбки. Открытый, чуть смущенный взгляд. За плечом виднеется мешок и наконечники трех дротиков.

Его образ я вижу яснее других. Ему и начинать рассказ первым.

Молодой охотник, согласно кивнув, делает шаг вперед.

Глава 1. Море и лес

В густом белом тумане кружился вихрь светящихся, разноцветных прожилков. Словно живые, они двигались, извивались, сворачиваясь кольцами в причудливом танце. Слева появилась женская рука с резным, костяным гребнем в тонких пальцах. Три перламутровые змеи, переплетаясь, держали в пастях овальный черный камень с голубиное яйцо величиной. В его глубине, словно юркие рыбки в бездонном омуте, сновали едва заметные искорки. Рука погрузила агат в молочную белизну, и радужные нити отпрянули от него, оставив лишь снежный вихрь на желто-голубом поле. Он застыл, превратился в ярко синее море и солнце над песчаным берегом.

Теплый ветер сочился в щели тростниковой хижины, принося с собой запах вяленой рыбы, развешенной на шестах, морской соли и гниющих водорослей. Солнечные лучи тонкими нитями прошивали полумрак, пробившись сквозь прорехи в кровле, и серебристые пылинки плавали в них, как стайки рыбьих мальков в прибрежной воде. Зоул лениво следил за их веселой толчеей. Голова наполнилась вязкой пустотой, засасывающей как камень в болото, обрывки рождающихся мыслей. Но одна все же задержалась, барахтаясь и расталкивая ряску сонливости.

«Почему? Почему я до сих пор сплю, как ленивый барсук, и меня никто не разбудил?»

Собравшись с силами, юноша соскочил с гамака на земляной пол и чуть не упал. Ноги подгибались. Все тело наполняла непривычная слабость.

В жилище уже никого не было, даже угли в очаге остыли, укрывшись пленкой пепла. Но рядом с закопченными камнями его ждал завтрак из сушеной рыбы и ореховых лепешек. Значит, не будили намеренно. Сев на корточки перед костяной фигуркой Матери Для Всех, широкобедрой и полногрудой, юноша произнес обычные слова благодарности и, отломив кусочек, положил у ее ног.

Услышав шум, из угла выскочил Мышиный Сторож. Подбежал к человеку, подняв коричневую мордочку с черными бусинками глаз, забавно защелкал, выпрашивая подачку. Повел носиком, схватил ломтик, предназначенный богине и довольный, исчез в норе. Зоул улыбнулся – Мать дар приняла.

Прихватив нехитрую трапезу, воды из корчаги у входа, вышел из хижины. Поселок кипел жизнью. Серебряная гладь бухты качала рыбацкие челны, у птичьих загонов сновали женщины с кувшинами, связками коры и веток. От берега долетали веселая песня и девичий смех. С другой стороны, где ограждавший бухту мыс переходил в обросшие лесом скалы, слышались звонкие щелчки, громким эхом отскакивающие от полночного края залива. Кто-то из охотников работал в оружейной мастерской.

Расправившись с едой, юноша вернулся к корчаге и выпил еще две чашки прохладной влаги. Зачерпнул снова и плеснул в лицо. Туман, укрывший память о вчерашнем вечере, нехотя отступил, возвращая обрывки пережитого, отрывистые и яркие, как перламутровые осколки разбитой раковины на прибрежном песке.

Серые плиты стен Дома Духов обступили каменный круг – ложе Костра Предков плотным кольцом. Густой, ароматный дым кружил голову и медленно плыл к усыпанному звездной росой пологу неба под монотонный, вязкий рокот бубна.

Огонь ярко высвечивал полукруг старейшин в длиннополых одеяниях из птичьих шкур, зловещие, носатые маски, пучки пестрых перьев в седых волосах, массивные посохи, увенчанные клювастыми черепами. Лежащее вне пределов света казалось лишь пляской теней, хором видений, крадущихся по следам души, уходящей в мир снов. Бубен звал, все быстрее,

все громче и смолкал, когда из тьмы появлялся очередной юнак. Приняв большую витую раковину из рук старших, он делал глоток горького, остро пахнущего питья.

Говорящий С Духами вставал у юноши за спиной, призывая прародителей явиться для совета. Пламя вспыхивало, рассыпая стаи искр, объявляя, что названные явились. Мудрые пели, прося соизволения принять родича в круг взрослых, пока юнак не падал без чувств на красный песок. Бубен гудел, провожая его дух в верхний мир на поклон к пращурам, а мужчины уносили покинутое на время тело. Говорят, многие и вовсе не вернулись из обители предков. На прошлом испытании не захотели просыпаться двое. Кто знает, остались их души в стране доброй охоты или попали в когти детям Хосэде, стерегущим тропы на той стороне?

Зоул вышел к костру последним. Отвар обжег язык и горло колючим холодом, а дальше туман, забытые, неясные видения. И яркий свет утра.

Неудивительно, что у него подкашиваются ноги.

За хижиной послышался шелест камешков под легкими ногами, и появилась Уле, веселая и яркая, юркий язычок огня в рыжем платье из беличьих шкур. Недаром она носила имя речного выюна с красноватой чешуей, жителя быстрых прозрачных ручьев.

– Ну, наелся, соня? – прощепетала она. – Наверно, снов насмотрелся, больше, чем медведь за зиму...

– Постой, Уле, – Зоул ухватил девушку за запястье, – твой отец что-нибудь говорил про меня?

– Иди к мастерской, – девичья рука вывернулась из пальцев, как скользкая рыбка, оставив ощущение нежной бархатистой кожи – он там с утра тебя ждет. Да поторопись, – донеслось уже из-за хижины, – а то рассердиться...

Путь к мастерской лежал мимо Дома Медведя. Приземистый, сложенный из огромных почерневших бревен, крытый дерном, сруб врос в крутой склон. Жилище для охотников, еще не имевших семьи, и место собрания старших, он нависал над поселком, и только серая громада Дома Духов стояла еще выше. Сможет ли Зоул войти в него взрослым охотником или... он оглянулся. На другой стороне пляжа, у самой кромки песка, громоздились друг на друга камни Дома Выдры, прибежище рыбаков. Которому из них будет принадлежать заново рожденный, какой из родов племени примет чужака?

Зоул был чужим среди Кайр.

Никто, в том числе и он сам, не знал, чей кров огласил первым криком. Первое, что он помнил – стены Дома Духов, горький дым курений, жгучий вкус отвара и огненные змейки боли, бегущие по телу. Память была чиста, как гладь песчаного берега, с которого прилежные волны слизали все следы. Берега, на котором его нашли нагим и беспомощным.

Долгие месяцы осенних дождей, в теплой пещере Отца Племени он сызнова учился говорить. Темными зимними вечерами, сидя у костра вместе с детьми, слушал рассказы старейшин, предания племени Кайр. О землях, окружающих уголья племени, о людях и зверях, живущих поблизости, о деревьях и травах, растущих вокруг. О дальних восходных островах, владениях морских охотников. За ними Небесный Олень выныривает из моря. О горах Полночной Стены, которой Пернатый отгородил большие равнины от ледяного дыхания Белых Вод.

Прилежно учил законы верхнего мира и мира людей, слушая, как зимой у горящих очагов старцы поют под тягучий звук говорящей струны. Сам Отец Племени порой садился к огню и, глядя в распахнутые, доверчивые глаза детей начинал свой рассказ:

«Кто ведает, что было до того, как Томэ – Мать Для Всех впервые ступила на землю? Не знаете, ну так слушайте. Когда упало с неба мировое яйцо... ты спрашиваешь, откуда оно взялось? Выпало из гнезда. Кто-то говорит, из-под крыла гагарки, кто-то кайры, а может быть и ворона. Упало и растеклось безбрежным океаном. Желток всплыл вверх солнцем, а скор-

лупа стала небесным сводом. Облака? Это хлопья белка, прилипшие к скорлупе. Но слушайте дальше...

Растекся белок океаном, но не было земли, и души нерожденных зверей и людей носились над ним. Устали, да некуда было им опуститься. Заплакали они, запричитали... долетели их жалобы и до неба. Услышала их стоны Мать Для Всех – Жар Небес, что объезжала звездные леса на спине солнечного лося. Сжалилась и послала великого краба за землей в морские глубины. Трижды нырял он и, наконец, принес ила в левой клешне. Положил себе на спину, но разровнять забыл. От этого теперь на лике земли есть холмы, горы и овраги. Кто знает, что было дальше? Не хотите? А что вам рассказать? О пернатом! Ну что ж слушайте...

Были тогда берега наши пустынно и безлюдны. И хоть населила их лебединокрылая Уше – Дарительница Жизни и птиц, и зверем, и рыбой, но не было среди них человека. Некому было возносить ей песни, некому было бросать в костер жертвы небесному лосю, несущему на рогах огонь солнечный, некому было добыть для духов сладкий мед, не звучал среди лесов рокот бубна.

Но однажды пришел с заката Пернатый предок. Был он получеловек, полуптица. Мог он, и летать по небу, как крылатые дети Ушэ, и ходить по земле, как люди. И, увидев, что берега наши пустынно, решил населить их. И где проходил он, брал в жены птиц, гнездящихся по берегам. Из яиц, что снесли те птицы, появились первые мужчины.

Был он и в наших землях, взял в жены кайру с мыса, и высидела она из одного яйца двух братьев. Выстроил старший землянку на откосе, а младший хижину у берега. Но увидели, что некому разводить в них огонь, некому плести сети и готовить мясо на углях. Тогда отправился старший в лес и взял в жены медведицу, а младший на берег и взял в жены калана – выдру морскую. С тех пор дети старшего брата – лесные охотники, а младшего – рыбаки. Так научили их матери.

Что еще вам рассказать? Как Пернатый победил змея и бросил в небо луну. Ну, это в другой раз. А сейчас дайте старику отдохнуть...»

И Отец Племена передавал говорящую струну следующему рассказчику.

У зимних костров получил Зоул и новое имя по прозвищу морской птицы с буровато-серыми, как и его волосы перьями.

Минули весенние бури, когда бушующие волны докатывались от берега до самых порогов зимних пещер, вырытых в скалах высоко над бухтой. Кончилась большая рыбная охота, в которую плотные, тучные косяки проходили мимо мыса Кайр к устью большой реки, в паре переходов на полдень. Пришло тихое и солнечное лето.

Теперь Зоул не представлял лучшей доли, чем быть принятым в один из родов племени Кайр. В те редкие мгновения, когда разум пытался взломать глухой камень забвения, за которым осталось его прошлое, что-то тяжелое, гнетущее нависало за спиной невидимой тенью. Со временем юноша даже стал побаиваться неведомого мира за границами угодий племени, откуда он явился. Ведь там, он чувствовал, таилась неведомая опасность.

Найденыш научился всему, что нужно знать вступающему в ряды мужчин, и с нетерпением ждал решения своей судьбы.

Позади Дома Медведя из галечной осыпи поднималась голубоватая плита, каменной ладонью нависая над кучкой плоских валунов. Между ними сидели мастера, точными ударами откалывая от кремневых голов заготовки ножей и наконечников. Да и где еще это делать, как не под оберегающей рукой Земляного Деда, хранителя подземных богатств.

Гуор – Отец Племена выбрал место в глубине навеса. Перед ним лежал неоконченный гарпун из оленьего рога. Сильными, короткими движениями старый рыбак срезал с него острым осколком желтую стружку. Зоул невольно залюбовался рождением оружия. Сделанное

старшим над старшими, искусным мастером, оно будет особо удачливым. Но о такой вещи юноше приходилось только мечтать.

Старейшина лишь на мгновение оторвался от работы, скользнув по лицу воспитанника взглядом усталых голубых глаз, и вновь склонился над валуном.

– Пришел? Садись. – Мастер указал на соседний камень.

– Сила предков с тобой, мудрейший.

– Со мной и с тобой. – Гуор помолчал, глядя на острие заготовки, озабочено сжав тонкие губы под белыми усами. Пробежал узловатыми пальцами по загнутым костяным шипам и, вздохнув, продолжил – Хочешь знать, что решил совет?

– Да мудрейший.

– Радости оно тебе не добавит.

– Значит, меня не приняли...

Голос Зоула задрожал и сорвался. Он ждал и боялся этого – стать человеком без племени, обреченным на скитания по ничьим землям, пока холод, клыки зверя или копье охотника не оборвут никому не нужную жизнь. Что может быть хуже? Но почему? Чем он обидел предков племени? Глаза подернулись мутной пленкой. Комок обиды застрял в горле. Но когда он задал главный вопрос, голос уже был тверд, а постыдные слезы высохли, так и не успев коснуться щек.

– Кайры изгонят меня, мудрейший?

Байс горбатый возник на пути, вынырнув из вечернего сумрака, с привычной злой ухмылкой глядя снизу вверх на рослого юношу. Ждал он его здесь, что ли? Зоул остановился, словно налетев на стену, с тоской глянул вслед будущим охотникам, поднимавшимся по тропе к дому духов.

– Торопишься, хюсс? – прошипел горбун, – не торопись, тебя изгонят, хюсс. Все равно изгонят...

Юноша соскочил с тропы и помчался вверх по склону.

– Беги, хюсс, беги, – шипел Байс ему вслед, – тебе не быть мужчиной. Я не стал и тебе не быть...

За что он так его ненавидит? Неужели за то, что Зоул чужак? Да, остальные жители поселка тоже не привечали найденыша. Взрослые мужчины, дети Медведя и Калана не спешили раскрывать родовые секреты, хотя свою работу он всегда делал усердно и ловко. Но ведь у безродного судьба не определена, и неизвестно еще, кем станет он – охотником или рыбаком. Юноша понял это и смирился. Но Байс!

Пропахший рыбой, горбун в засаленной безрукавке, страх малолетних соплеменников, язвительный и нелюдимый, жил одиноко в землянке, которую сам вырыл. Только на время зимних костров приходил в общую пещеру, забившись в самый дальний угол.

С одинаковым проворством потрошил рыбу, сворачивал головы бакланам и таскал потроха в птичьи загоны. Да и что еще оставалось немужчине. Другие, не пройдя испытания, сами покидали племя или бросались с утеса, не вынеся позора. Байс не решился.

И хотя он был сыном Говорящего с Духами, многие шептались, что если кто и есть хюсс нии, то это горбун, убивший свою мать при родах, и давно пора его темной крови оросить камни мыса кайр. Шептаться то шептались, но ведь предки его не отвергли, не назвали подменным Хосэдэ. Значит, он родич и жить ему в племени.

В один из первых теплых дней весны Зоул сидел у входа в пещеру, а перед ним прыгали трое мальчишек и кричали:

– Хюсс, хюсс, страшный хюсс, Хюсс, хюсс скользкий хюсс...

Юноша был еще слишком слаб, чтобы гнаться за обидчиками. Взрослых поблизости не было, и проказники кидали в чужака мелкими камешками, он же только отмахивался.

Байс бесшумно вынырнул из кустов прямо за спиной у озорников и схватил двоих за короткие косички.

– Кто здесь хюсс, кто хюсс?! – прошипел он. От его зловещей ухмылки ноги у пойманных подкосились. – Я покажу, хюсс... рыба кончилась. Потрошить некого. А вы толстенькие...

Нужно было видеть ужас на лицах сорванцов. Они не то, что вырываться, даже кричать не могли и только раскрывали рты. А их товарищ давно исчез в кустах.

– Ну, кто хюсс? – встряхнул их горбун – только я могу, только я... услышу, выпотрошу...

Байс разжал пальцы, и его пленники упали на траву, вскочили и задали стрекоча.

– А ты не будешь охотником, хюсс, – прошипел неожиданный спаситель, повернувшись к юноше, – иди потроха таскать...

«Нет уж, мне не нужно жалости. Лучше быть изгоем, чем немужчиной!»

– Я приму решение совета, мудрейший, – склонил голову юноша. – Я уйду на рассвете...

– Не спеши, – в голосе старого рыбака послышалось недовольство глупой гордостью мальчишки. – Ты не дослушал меня, а уже выбираешь тропу. Я бы хотел оставить тебя в плену. – Слова Гуора звучали мягко, успокаивающе. Прохладными снежными хлопьями, падая в горячий жар обиды, приглушая его. – Из тебя получится отличный охотник. Ты слышишь лес лучше, чем Раес безухий. Молчи, он сам говорил мне. Не знаю, кто ты рожден, но зла в тебе не вижу. И все же решение совета старших выше моего слова. Молчи, слушай! Да, ты не сможешь стать мужчиной на исходе этой луны, но это не значит, что тебя изгонят. Если останешься среди нас, младшим, то к новому солнцу решение старших может перемениться. Хотя... есть и иной путь. Завтра на рассвете Зимер и Савин отправятся к порогу дома Матери Всех. Они пойдут вдвоем. Ты можешь отправиться с ними, узнать свою судьбу, получить истинное имя. Но прежде подумай. – Гуор вздохнул, принялся молча изучать кусок резной кости, над которым трудился с утра. И вновь отложив его, взглянул прямо в глаза Зоулу. – Я чувствую, если уйдешь, мы больше не увидим тебя у наших костров. Слишком далеко уведет тебя тропа. Выбирай. Последнее слово твое...

– Я иду, мудрейший. – Ответ вырвался сразу, без раздумий. – Пусть Мать Всем отблагодарит тебя за доброту...

– Ты решил. – По лицу старика нельзя было понять, доволен он выбором или, напротив, огорчен. – Если передумашь, оставайся. А нет, так жди у Дома медведя по заре. Легкого пути тебе. Иди, собирай заплечник, Уле поможет.

Отец Племена вновь повернулся к каменному верстаку, дав понять, что разговор окончен и принялся шлифовать твердый рог куском песчаника.

Едва парень миновал бревенчатый сруб, Гуор снова отложил свою работу и долго глядел вслед воспитаннику с сожалением и печалью.

Носок башмака подцепил камушек, и тот покатился вниз по склону, распугивая травяных блох, пока не уперся в плетеную стену птичьего загона. За ней гомонили пернатые рыболовы, хлопая подрезанными крыльями. Камышовые крыши хижин парили под жарким полуденным взглядом Томэ, отдавая ночную влагу. Женщины попрятались под навесы, и поселок казался обезлюдившим. Зоул еще раз окинул взглядом пляж, бухту, очертившую ее утесы, весь свой привычный мирок. Где-то там, за зубцами скал притаилось его прошлое. И тайная опасность.

Но узнать истинные род и имя – разве можно устоять перед таким соблазном?

– Хотите знать, кто такой хюсс? Это чужак, зловредный чужак. Злой дух в человеческом облиции. Ублюдок Хосэдэ. Нет у него рода и племени, но много лиц. Распознать его трудно, сильно трудно, однако можно. Узнаете как, став старшими.

Лицо старика в дымном полумраке пещеры казалось потрескавшейся костяной маской, пока он молча глядел в костер. Но вот трещины – морщины дрогнули, и старый охотник продолжил рассказ.

– Но это Хюсс ва – чужак извне. Много хуже Хюсс ний, чужак внутри. Когда Нижние крадут неродившуюся душу, меняя на злобного призрака. Родится такой подменьш Хосэдэ, живет в племени, сеет раздоры, сосет силы, насылает болезни. И не может никто его распознать. Только пращуры. Поэтому каждый из вас на пороге зрелости предстанет перед советом предков, каждый из вас подвергнется проверке. А до того никто не смеет входить в дома Медведя и Калана, никто не смеет порождать собственных детей.

Для половины поселка Зоул всегда будет Хюсс ва. А остальным до него дела нет. Даже девушки старательно не замечали найденьша, хотя силой и статью он не уступал другим юнкам. Вот если бы пращуры приняли его прошлой ночью, тогда любая дочь племени могла бы привести его к своему костру. Запрет у внуков Пернатого один: нельзя рожать детей потомкам одной матери в пяти коленах. Соблюдай этот закон и тебе простится даже измена, твой мужчина будет кормить чужих отпрысков.

Любая из девушек знает, кого ей можно взять в мужа, и попробуй ошибиться, или ослушаться – проклянут старухи, племя изгонит. Потому перед выбором все советуются со старшими, а нет пары, жди другого года.

Иноплеменник подходит всем, но разве хоть одна из матерей захочет, чтобы ее дочь жила впроголодь рядом с безродным. За любым из кайр стоит род матери. Род владеет лодками и сетями, оружием и ловушками для зверей. Даже уходя в иное племя за одной из юниц, мужчина получит свою долю. А где все это взять чужаку?

Лишь Уле была приветлива с Зоулом, словно с родным братом. Да разве захочет дочь главы племени разжечь для него костер? Нет, и он всегда это знал, и все же в тайне на что-то надеялся.

Может быть, ночь в доме духов что-то в нем сломала, но на дюжину ударов сердца юноша возненавидел приютившее его племя, жестокие законы и особенно властных старух – старших матерей.

С тропы Зоул хорошо видел Уле, хлопотавшую около хижины отца. Он долго любовался ее гибкой фигуркой, быстрыми движениями соблазнительная мысль промелькнула юркой змейкой.

«А может остаться?».

Следующим летом Уле получит благословение предков, а после наступит «луна без имени», целая луна, когда молодежи, принятой в племя, позволено быть с любым из сверстников. Детские имена уже забрали пращуры, взрослые еще не получены и для Матери Всем их просто нет. Пусть Уле и не разожжет для него костер, но у них будет целый месяц, короткие теплые ночи и шалаш в лесу...

– Тебя не приняли, хюсс. – Байс бесшумно подкрался сзади. Довольная улыбка перекосила губы. Маленькие глазки злорадно прищурены. – Я сказал, не быть тебе мужчиной! Идем со мной, идем, учись рыбу потрошить...

Горбун ухватил юношу за руку и поволок вниз по склону. Зоул сделал пару шагов, но, очнувшись, вырвал кисть из цепких пальцев, отбросив Байса в сторону. Горбун упал на спину и задергал в воздухе кривыми ногами, зашипев от ярости.

– Не радуйся, к тебе я не пойду. И не ходи за мной, хюсс нии. Ненароком камень на голову упадет.

Ни разу не обернувшись, Зоул спустился к хижине главы племени, а вслед ему неслись проклятия Байса, так и не посмевшего преследовать столь безропотную прежде жертву его насмешек.

Уле уже ждала его с кожаным заплечным мешком в руках. Красный мех платья переливался на солнце, а в черных, словно спина морского угря, волосах искрились жемчуг и перламутр.

В это мгновение юноша остро, до слез в глазах, ощутил, что ему есть, о чем сожалеть, покидая племя Кайр.

– Вот, отец велел собрать тебе, – пряча глаза, девушка подала ему мешок, – посмотри, может еще что нужно. А мне недосуг... – она отвернулась, пряча блеснувшую на щеке слезинку.

– Подожди, Уле. Только не уходи, я сейчас, я быстро...

В хижине под камнем найденыш прятал то, что давно готовил как подарок, мечтая в день свадьбы собственноручно надеть дочери Гуора. Что ж, пусть теперь останется ей на память.

Уле ждала. Парень развернул сырой кусок кожи, и лучи солнца вспыхнули радужными брызгами, отразившись от двух больших полированных раковин, с отверстиями для шнурков и крошечными перламутровыми подвесками. Это были височные щитки, что надевают девушки, когда выбор будущего мужа уже сделан.

Глаза девушки радостно распахнулись при виде раковин, но после наполнились грустью. Она поняла, – Зоул никогда бы не осмелился сделать этот подарок, не будь он прощальным.

Тонкие пальцы приблизились к подвескам, боясь коснуться, боясь принять дар, сделав расставание неминуемым. И все же, Уле решилась, взяла их и примерила к вискам. Грустная улыбка, словно солнечный зайчик скользнула по лицу.

– Предки вознаградят тебя, – опустив глаза, прошептала дочь Отца Племени, – легкой тебе тропы, – коснулась губами щеки юноши, вдруг смутилась и убежала за угол плетеной стены.

Зоул держал дорожный мешок в руке, словно взвешивая его тяжесть. Одна луна с ней за годы жизни чужаком – этого мало, очень мало. За стеной утесов его ждет прошлое и истинное имя.

Гамак чуть поскрипывал, раскачиваясь. Ветер шуршал листьями тростника на кровле, в прорехи заглядывали колючие звездные искры.

Ночь выползла из моря многоглазой, бесформенной тушей, накрыв бухту и поселок. Это последний ночлег Зоула под крышами Кайр. Странно, но он безмятежно спокоен. Нежданно пришла уверенность, что все свершилось так, как и должно. Будто кончилось тягостное ожидание в тесной клетке и перед ним, наконец, развернулся необозримый, вольный простор. Кажется, такое уже бывало с ним. Но где, когда?

Лишь лицо Уле временами возникало перед ним, пробуждая сомнения, лицо, которое он первым увидел без птичьей маски, лицо, что склонялось над ним, пока он лежал беспомощным в пещере Отца Племени. Но и оно медленно отступало, бледнея, исчезая, унося с собой последнюю тень сожалений.

И хотя юноша был уверен, что не сможет заснуть в эту ночь, незаметно подкралась забывость, глубокое и без видений.

Глава 2. Костер и звезды

Костяной гребень осторожно погрузился в переплетение цветных прожилков. Тонкие зубцы вошли в радужную мешанину, раздвигая ее, и осторожно подцепив, вытянули из пестрого узора серо-голубую нить. Проворные пальцы начали влетать ее в основу, пропуская между толстыми пучками волокон, которые становились крупнее и грубее, все больше похожи на стволы деревьев. Серая нить вилась среди них и вскоре превратилась в лесную тропу под сенью густых крон.

Утро было сырым и хмурым. Облака длинными перьями и грязно-серым пухом налипли на белесую небесную гладь. Розовый свет лика Уше едва пробивался сквозь эту завесу. Зоул задернул мокрый от росы дверной занавес и направился к Дому Медведя. Поселок спал, над бухтой царил тишина, наполненная шепотом неутомимого прибоа. Даже крикливые жители скал еще не поднялись со своих гнезд.

Но у темного сруба уже виднелась стройная фигура вожака юных Каланов. Савин, как обычно, пришел первым. Он любил быть лучшим всегда и во всем. Стрелял точнее, плавал дальше, бегал быстрее остальных. И только раз проиграл...

В тот день над отмелью с криком носились крачки, возмущенные вторжением, но опуститься ниже боялись, слишком много было пришельцев. На дальнем конце галечной косы из буро-зеленого ковра водорослей торчали две треноги с пластинами липовой коры. В воздухе мелькнули дротики. Один вонзился в край мишени, другой упал на камни в полушаге от нее.

Юные охотники радостно взвыли, прыгая и размахивая руками. Удачливый метатель гордо вернулся к своим, удостоившись дружеских толчков и похлопываний по плечу. Рыбак прошел сквозь расступившуюся ватагу товарищей, глядя в землю.

Мальчишки, сверкая пятками, побежали за оружием, а к процарапанной в песке черте вышла новая пара. Савин и Зимер. На это стоило посмотреть. Стройный и гибкий сын калана, сложив руки на груди, поглядывая на предводителя молодых медведей. Зимер, крепкий и коренастый, наделенный от рождения немалой силой, за что и получил прозвище мишук, невозмутимо глядел на мишени, ожидая, когда вернуться сорванцы, не замечая насмешки в глазах вечного соперника.

Наконец дротики оказались у метателей. Савин привычно взвесил свой в руке и чуть отступил назад, разворачиваясь для замаха. Мишук долго примеривался, мусоля древко в ладони. Потом размахнулся и послал оружие в цель. Он больше привык к тяжелому кремневому топору, которым с маху перерубал жердь толщиной с запястье.

Каменное острие с треском вошло в мишень в трех пальцах от нарисованного мелом круга, пробило кору и погрузилось в песок. Кто-то из медведей радостно вскрикнул, но остальные молча ждали, когда метнет Савин. Наконечник до шейки вонзился в белое пятно в пяди от центра.

Теперь пришло время прыгать и кричать каланам. Зимер невозмутимо пожал плечами и отошел от черты к остальным охотникам, а победитель гордо обвел взглядом берег и вдруг заметил найденыша, стоящего поодаль от обеих ватаг. Уголок губ чуть дрогнул, пряча усмешку, в глазах промелькнула лукавая искра.

– Зоул, эй, Зоул, – призывно махнул рукой сын рыбака, – иди сюда. Да иди, иди, чего боишься? – добавил он, видя нерешительность чужака.

Подростки притихли, ожидая, что же будет дальше. Приемьш племени, не спеша, прошел меж ватагами и остановился у черты. Савин взял метательное копьё у подбежавшего мальчика и, улыбаясь, протянул ему.

- Бросишь?
- Куда ему, – раздалось сзади. – Он и держать не сможет...
- Покажите, каким концом вперед...
- Смотрите, он себе ногу проткнет...
- Ой, разбегайся, сейчас бросать будет... – веселились подростки.

Зоул медлил, глядя на гладкое буковое древко. Он еще не держал в руках дротиков, хотя часто тайком тренировался в меткости, швыряя камни из самодельной лыковой пращи. Но оружие охотников...

- Давай, чего боишься, – подбадривал Савин – все уже бросили. Попробуй.
- Ну, чего пристал, – пробасил Зимер. – Знаешь ведь, не умеет, чего же...
- Бросай, – Савин заглядывал в глаза потупившемуся чужаку с приветливой улыбкой, – давай.

Зоул протянул руку к дротику, уверенно сжал ладонью и, глядя в лицо насмешнику, взвесь в руке. Оружие было тяжелее, чем казалось, но сбалансировано хорошо.

Поставив носки башмаков у черты, Зоул уперся взглядом в белый круг правой мишени, представив, как острие входит в него, прикрыл глаза, вспоминая, как метали копья остальные юноши. Но в памяти остались только полет снаряда. Движения, за которыми он жадно следил, стерлись, размазались. Обрывки мыслей заметались в панике, предвкусывая будущий позор. Но тело нежданно само вспомнило, что нужно делать. Ладонь нашла свое место на древке. Правая нога отступила назад, спина напряглась.

Наконечник вошел точно в центр мишени и, пробив его, ушел в гальку. Толпа удивленно вздохнула. Чужак повернулся к Савину, ошеломленному и раздосадованному.

- Отойдем на пару рук, – предложил сын Калана, – или боишься?
- Отойдем, – согласился Зоул и, отсчитав десяток шагов от черты, остановился, ожидая, когда вернуться мальчишки.

Соперники приготовились. Зрители почти перестали дышать. И оба дротика легли в старые пробоины в белых кругах.

- Отойдем еще! – Азартно бросил Савин, отсчитывая шаги.

Зоул молча кивнул.

На этот раз дротик чужака вновь попал в край круга, а сын калана промахнулся. Каменное острие лишь царапнуло край коры и, отскочив от гальки, упало перед треногой. Увидев это, вожак отвернулся и ушел в сторону поселка, пряча злое лицо.

В дальний путь Савин собрался основательно. Кроме заплечника за спиной, у него висели лубье с луком, тул со стрелами и два дротика.

– Ладонь Матери над тобой, – едва кивнул он Зоулу, соблюдая приличия. – Подождем Зимера. Ленивый мишук видно еще спит.

– Подождем, – согласился Зоул, сел на камень, поежившись от холодного прикосновения, с завистью рассматривая снаряжение спутника. Сам он нес лишь тяжелый нож с деревянной ручкой да набор лезвий и рубил – подарок Отца Племена.

Подросткам не разрешалось самим делать оружие, пока не станут мужчинами, не узнают нужных заговоров и необходимых жертв, подчиняющих душу рожденной вещи, без которых она опасна для самого владельца.

Но его могли подарить родичи.

Из-за хижин показался Зимер. За плечом, кроме мешка и дротиков, виднелся его любимый кремневый топор с костяными накладками на длинной рукояти.

- Сила предков с вами. Ну, чего ждете, пошли, скоро совсем рассветет.
- Да ты сам проспал, – возмутился Савин, – мы тут уже промокли...

Зоул молча поднялся с камня и первым начал карабкаться по камням вверх, туда, где над поселком безмолвной стражей застыли ряды стройных сосен.

Каменный человечек на обрыве, дух охранитель в пути, принял жертвы спутников. А сами они стояли, глядя вниз. Под ними раскинулся пляж и серое зеркало бухты, охваченное зубчатой темно-серой стеной Мыса Кайр. Над голыми камнями кружились стаи морских птиц. Среди коробочек хижин и темных черточек лодок у берега уже появились первые жители.

В этот момент Зоул понял, что уже не вернется сюда. С жалобным звоном оборвалась невидимая нить, связавшая его с поселком. Звон утих, а с ним и мимолетная печаль. Непроходимая тропа уже манила вглубь леса навстречу судьбе и новому дню, и это было неожиданно привычно и знакомо.

Путь лежал вдоль берега моря, то выводя к самому обрыву, то ныряя в чашу, чтобы там пересечь ручей или речушку, что стремилась влиться в бескрайние соленые воды. Спутники без усталости топтали лесные травы, при этом Зимер, несмотря на свой немалый вес, ступал легко и бесшумно, словно огромная кошка. Савин же двигался вперед с неутомимостью длинноногов, что целыми днями носятся в зарослях папоры в погоне за травяными блохами. Да и сам Зоул не чувствовал усталости, словно лес вливает в жилы свежие силы, придавая ногам неутомимость.

Наконец тайные знаки племени вывели к стоянке. Строгие личины, глубоко врезанные в кору, смотрели со стволов старых вязов, обступивших крохотную полянку с ложбинкой и кострищем в центре. Значит здесь, под корнями, укрытые одеялом густого мха, покоятся родичи, и можно рассчитывать на их незримую защиту.

В пути Савин подстрелил двух тетерок, а Зимер добыл зайца. Устроив ночлег, каждый из них занялся разделкой своей добычи. Зоул понял, что на его долю выпал сбор хвороста, и отправился бродить по окрестностям.

Когда он вернулся с последней охапкой веток, тушки уже подрумянивались над огнем, а губы пращуров на древесном стволе были вымазаны жертвенной кровью. Спутники обвели лагерь кольцом подпаленной травы, наговоров, и тонких жилок с трещотками, настороженными на незваных гостей. Мало ли в лесу обитателей, которые не прочь проведать спящих.

Мясо быстро исчезло на дне голодных желудков. Костерок, проглотив остатки трапезы – приношение Животворящему Огню, довольно зашипел, ровно освещая ложбинку, где расположились юноши. Тишину нарушали лишь шум деревьев да потрескивание углей. Первым дежурить выпало Савину, и Зоул улегся на шкуру, покрывшую слой старого сухого лапника, с удовольствием вытянув ноги. Только теперь он почувствовал накопившуюся за день усталость и предался блаженству отдыха.

Савин разбудил его среди ночи и молча свалился на свое ложе. Парень протер слипающиеся глаза, размял суставы, подбросил в едва тлеющий костер пару веток, и сел на корень, глядя, как алые язычки танцуют над углями. Он попытался вспомнить, что ему снилось, почему-то это казалось важным, но в памяти остались лишь белые камни, да лунный свет.

Вокруг, в ночи шла своя жизнь. Где-то крикнула ночная птица, послышался шелест листьев, хлопанье крыльев, писк и вновь воцарилась тишина. Полянку окружали безмолвные бугристые стволы с занавесями мрака меж ними. Юркие отблески огня пробежали по коре, сплетаясь в бесконечный узор, и это было единственным движением, которое видел Зоул.

Вдруг он понял, что один из древесных корней смотрит на него. У основания ствола, за пределами сторожевого круга, сливаясь с пляской световых бликов, застыло удивительное существо.

Чешуйчатое змеиное тело венчала лошадиная головка с лицом старичка и взглядом филина. Густая золотистая грива падала с затылка и темени, а под подобием носа струились длинные шелковистые усы. Большие глаза смотрели разумно и строго, в черной глубине пля-

сали янтарные искры, отблески костра. Существо глядело прямо в зрачки человеку, и он тоже не отводил взора, опасаясь пошевелиться, хотя и не испытывал страха. Память услужливо подсказала имя – Уж, покровитель ведающих, податель мудрости, хранитель тайн, Сам Уж пришел к нему.

С десяток ударов сердца ночной гость продолжал, не мигая, смотреть на Зоула, словно оценивая его, а потом юноша услышал или может быть, угадал шелестящие, слова: «Продолжай свой путь. Но торопись, торопись. И опасайся Матери змей. Огонь жжет...».

В глазу запершило, словно в него попала соринка и человек, не выдержав, сморгнул. В следующий миг у корней уже никого не было. Только огненные блики продолжали свою пляску.

Солнечный лось еще не показал рогов из волн моря, когда спутники собрались в дорогу. Прохладный утренний воздух, напоенный ароматами леса и влагой росы, бодрил не хуже напитка, что варили на праздник племени. От вчерашней усталости не осталось и следа и теперь, при свете утра, ночной гость казался сном наяву, навеванным пляской пламени. Но, так или иначе, а предупреждение предназначалось только Зоулу, рассказывать не след.

Трое шагали по траве, мокрой от росы, оставив стоянку позади, все дальше уходя от береговых скал, покрытых лесом, в царство пологих холмов. На вершине одного из них, юноши остановились. Ниже по склону, заросшему пестрым ковром разнотравья с прорехами белесых проплешин плитняка, стояла небольшая плотная дубовая рощица. К ней они и направились.

Когда до ближайшего дерева оставалось с десяток шагов, от зеленой массы ветвей отделилась человеческая фигура. Мужчина спрыгнул на землю и пошел навстречу путникам, которые замерли среди желтых метелок оленьей сыти, слушая бесконечную песнь крылатых травяных блох. В рощице укрывался схрон – последний рубеж племени у порога непредсказуемых и опасных ничейных земель.

– Храни вас предки, – чуть кивнул юношам охотник в лыковой накидке с вплетенными зелеными веточками.

– И тебя, старший, – ответил дозорноу Зимер. – Мы идем в дом Матери Всех.

– Мне ведомо. Вас трое, это больше, чем один, но все равно маловато. Почему совет отправил вас этой дорогой? Почему не водой?

– Отец Племена так решил...

– Ветер третий день дует с востока. Лодки старейшин пойдут веслами. Могут не успеть ко дню даров, – добавил Савин.

Охотник поглядел на молодого рыбака с сомнением, но спорить не стал. И вновь обратился к собрату охотнику.

– Ты хорошо знаешь дорогу?

– Да старший, – кивнул Зимер, – я помню. Нижняя тропа. Переправа у Гусиной Ноги.

– Верно, верхняя идет по краю пустошей. Там... сам знаешь. А нижняя через холмы вдоль Ольхового ручья и к переправе. Развилка на третьем знаке. Первый вон там. Видишь? – охотник указал каменную пирамидку на вершине соседнего холма.

– Да старший.

– От пятого знака пойдете на восход. И, раз уж вы идете через холмы, то смотрите под ноги, смотрите вокруг, смотрите вверх, слушайте ночь, пробуйте ветер. Пока не доберетесь до переправы. Там Крачки вас проводят. Что ж, легкого пути, скорого возвращения. Храни вас пращурь. – И, взмахнув на прощание рукой, охотник скрылся в тени деревьев.

Чем дальше уходили путники, тем ровнее становился лик земли. Холмы расплывались и оседали, превращаясь в широкую равнину. Керны, кучи камней, становились все выше и реже, но видно их было издалека. Кое-где еще встречались островки леса.

Непривычным к простору охотникам так и не удалось ничего добыть. Осторожные степные зайцы и куропатки без труда ускользали от них. Долго не попадалось и подходящего места для ночевки. Редкие, заросшие кустарником балки с ручьями на дне были слишком сырыми, а открытые всем ветрам вершины и склоны непривычными и бесприютными.

Темно-багровый небесный лик почти утонул за бирюзовой лентой окоема, когда они, наконец, нашли себе пристанище.

Недалеко от того самого, пометившего развилку, пятого путевого камня, притаилась неглубокая ложбина, окруженная сухим кустарником. На дне, устланном толстым одеялом сухой травы, угадывалась старая проплешина кострища.

Зимер дотошно осмотрел стоянку, и все вокруг нее, а Зоул тем временем развел костер, благо топлива для него было больше чем достаточно. Савин же принялся рыться в мешках, доставая припасы.

– Мне здесь не нравится, – задумчиво глядя в огонь, заявил мишук. – Место сухое и удобное, звериных следов вокруг нет, но что-то давит... как будто... – юный охотник замолчал, не находя слов.

– А я ничего не чувую, – пожал плечами Савин. – Лучше ночлега не найти, ты сам сказал, да и поздно уже, – он махнул рукой в сторону заката, где алый краешек готов вот-вот скрыться за вершинами холмов, – если только вы не хотите спать в чистом поле.

– Может и лучше в чистом, – проворчал Зимер, развязывая свой мешок.

Зоул промолчал. Он тоже ощущал непонятное беспокойство, но что его вызвало, понять не мог. Может просто слишком близко пограничье, ничейная полоса меж лесом и степью, по которой бродили отверги лесных и степных племен, изгнанные из пределов владений.

Когда с едой было покончено, и спутники принялись за охранные заклатья, юноша отправился сам осмотреть окрестности.

Невдалеке на фоне темнеющего неба выделялась стена дубовой рощи. Над ночлежной ложбиной, прикрывая ее от посторонних глаз, нависло плотное полукольцо сухого кустарника и густые пучки высокой травы. Во всем этом не было ничего необычного или тревожного. Вот только камень...

Он стоял на самой вершине холма, но не был похож на пирамиды из серого плитняка, что сопровождали в пути. Молочно-белая игла в четыре человеческих роста, исчерченная густой сетью черных трещинок. Утоптанная площадка у основания усыпана серой щебенкой и нигде ни единого осколка иного цвета. Откуда здесь этот камень? Следы, оставленные ветром и водой, говорили, что он столь же стар, как и скалы, окружавшие поселок Кайр.

Непонятно почему, но Зоулу неодолимо захотелось коснуться камня, ощутить его холодную шершавость, стереть налет пыли. Он уже протянул к нему руку, но что-то удерживало. Желание и опасение боролись меж собой. Пальцы замерли в нерешительности, но любопытство пересилило, и они легли на ребро грубого излома.

И в тот же миг камень и холм исчезли.

Лишенный тела, бесплотный, не чувствуя пронизывающего ветра, юноша стремительно летел над равниной. Внизу мелькали леса, холмы, реки, едва различимые в вечернем сумраке. На темной скатерти степи виднелись такие же молочные каменные столбы. Они складывались в ряды, цепи, ячейки гигантской сети, наброшенной на лик земли. Зоул скользил по одной из таких нескончаемых нитей все дальше и дальше на закат, к светлеющему окоему, догоняя само солнце на его вековечном пути.

Белые шпили становились все выше. Казалось, они вот-вот вспорют вершинами небесную твердь. Теперь внизу проносились предгорья и узкие долины. Острые зубцы скальных стен сияли в потоках лучей, льющихся из-за раскаленной грани закатного неба. Впереди на голубой полосе показалась белая трехглавая скала, к которой сбегались бесчисленные жилы каменной сети. Жемчужное сияние, водопадом стекало с ее уступов. На одном из снежных

конусов, в самом поднебесье, в сердце света Зоул рассмотрел маленькую, но стремительно растущую человеческую фигурку. Ощувив приближение юноши, незнакомец начал оборачиваться. Угольно-черное одеяние распахнулось у него за спиной, словно огромные крылья, закрывая собой полнеба. Еще мгновение, их взгляды встретятся и тогда...

Он отдернул пальцы и вновь оказался на холме перед менгиром. Но все вокруг неуловимо изменилось. Из-под каждой кочки и камня глядели невидимые недобрые глаза, буравя лицо и спину. Дунул резкий холодный ветер. Недалекая стена дубов вдруг стала выше, грозно зашумев ветвями. Из нее выступила огромная темная фигура полумедведя – получеловека с красными угольками зрачков, горевших выше макушек деревьев. Их взгляд прожигали человека насквозь, добираясь до его внутренней скрытой сущности. Казалось, злой жар уже обуглил его изнутри. Но вдруг... хозяин леса отступил назад и растаял в темноте. Вихрь утих, и бестелесные обитатели степи поспешно и, кажется, даже испуганно, затаились в своих глубоких норах.

Сердце громко стучало в груди, спина была мокрой от пота, но Зоул почему-то был уверен, что сейчас уже все закончилось. Этой ночью можно не опасаться тех неизвестных, что на краткий миг выползли из своих тайных убежищ, но рассмотрев истинное, самому Зоулу неведомое лицо, поспешно отступили. Опасность исходит не от них, Беспокоил только черный незнакомец в белом сиянии. Кто он? Зачем тянул к себе? Чего хотел? Не он ли был той гнетущей тенью, что затаилась в его прошлом?

Где-то на самом дне души, за каменной стеной забвения шевельнулось узнавание. Шевельнулось и вновь кануло камешком в омут. Но что совершено, того не вернешь. Теперь Зоул не останется без внимания невидимых соглядатаев.

Юноша вернулся к костру. Зимер был еще мрачнее, чем до заката. Когда он обводил лагерь огненным кольцом, головня дважды гасла, и замкнуть его удалось лишь на третий раз. Охотник считал это плохим знаком. Савин, может быть, назло товарищу казался, как всегда, беззаботным и вызвался дежурить первым. Зимер пожал плечами и лег спать.

Зоул не стал ничего рассказывать. Зачем добавлять им лишних страхов? Чему суждено, то сбудется. Он снова был необычно спокоен. Мягкая подстилка из травы, тепло костра, все это убаюкивало, расслабляло, как будто вернулись безмятежные времена зимних костров, когда все было простым и ясным, как синь безоблачного неба. Юноша все дальше, все глубже погружался в манящую пучину сна, глядя на серый силуэт стоячего камня на черно-звездном пологие ночи.

Глава 3. Луна и камни

Белая, будто вырезанная из матового мрамора, рука повернула гребень наверху вниз. Черный камень погрузился в студенистые клубы радужного тумана. Он начал темнеть, наливаясь индиговым соком, и лишь некоторые белые искры уцелели в его водоворотах. Короткая судорога пробежала от нити к нити, разбрасывая их в стороны. Тонкие пальцы перевернули гребень остриями вниз, размешивая искристый кисель. Потом выдернули из него резную кость. С кончиков зубцов стекал густой серый дым. Вязкими крупными каплями падал он на темно-синее поле, застывая корой черепичных крыш, бульжником, стенами и мостовыми города, залитого восковым лунным светом.

Город спал, раскинув узкие улочки по склону холма. Основания стен заливали густые чернила теней, и только узкая лента улицы блестела под лунной боками бульжников мостовой, отшлифованных бесчисленными ногами жителей. Маслянисто-темные от влаги черепичные крыши сплошной корой укрывали склон. Лишь кое-где темнели провалы внутренних двори-ков с серебристыми шарами и шпилями древесных крон. У подножия холма под сторожевыми башнями ворот, ярко горели четыре костра, тщетно сясь разогнать тьму. К огню, спасаясь от сырости, жались стражники в сверкающих багровыми отблесками островерхих медных шлемах.

Осторожно перебросив свое тело через оконный проем, парень спустился по неровной стене, уверенно находя пальцами знакомые углубления и трещины. Спрыгнул, погрузился в тень, еще раз оцупав взглядом окна ближайших домов, убедился, что тяжелые ставни закрыты наглухо, и направился вверх по улице, прячась от лика Атеc под нависшими над мостовой выступами крыш и верхних этажей. Его мягкие, как у сторожевого кота, шаги не нарушали хрупкой полночной тишины. Сотни людей привычно спали в своих постелях, но были и бодрствующие – городская стража и те немногие, для кого ночь – время тайного промысла.

Ночной бродяга неожиданно остановился, припал к стене и почти перестал дышать. Чутье не обмануло: из темной щели проулка донесся едва уловимый шорох, а потом белую полосу света пересекла сгорбленная фигура. Ночной вор скользнул взглядом по мостовой, стенам домов, не заметив таящегося в тени, крадучись пересек улицу, проворно нырнув в какую-то подворотню. Мастес хранил своего слугу. Столкнись они нос к носу, и ночным улицам больше бы не услышать шагов хитника. А лицо его следует запомнить, неровён час – судьба сведет при свете дня.

Больше на пути никто не встретился. Уводя от центра к окраине, улица незаметно превратилась в не мощный, грязный переулок, а потом и вовсе в узкую щель между двух глинобитных заборов и оборвалась, уперлась в городскую стену.

Массивные стланцевые блоки громоздились друг на друга, прочно схваченные в тиски кладки. Они нависали неодолимой преградой, вздымаясь, казалось, до самых небесных высей. Но неодолимой лишь для того, кто не знал секрета.

Плоский камень у задней стены старой скотобойни легко сдвинулся в сторону, открыв темную утробу узкого лаза, стоило лишь нажать тайный рычаг. Скрипнули ступени жердяной лестницы и крышка, лязгнув вошедшим в скобы крюком, встала на место. Воздух под ней был влажный и спертый, а мрак непроницаем. Зажигать огонь было опасно, да и не нужно. Все повороты и выступы давно впечатались в память, а вот пробившийся из-под валуна лучик в ночи куда как заметен и подозрителен.

Отодвинув завесу сплетенных корней, парень откинул обросший дерном дощатый щит и оказался под ивой, нависшей над обрывом. Отряхнулся, выпрямился и расправил плечи,

вдохнув воздух полной грудью. Ароматный степной ветер ударил в лицо, перебирая волосы, сдувая затхлый запах земли и грибов.

Хмурые стены города возвышались где-то за спиной, скрытые рощей. Слева и впереди, вдоль искрящейся лунным серебром кольчужной ленты реки, чернели лоскуты полей и выгонов, а справа за холмами, раскинулась вольная степь, беспредельная, как звездный купол над ней.

– Зоул, Зоул проснись! – его трясли за плечо. С трудом разлепив налитые тяжестью веки, он увидел испуганное лицо Савина.

Зимер уже сидел рядом, протирая глаза.

– Вставайте, вставайте... Сейчас мне... Сами почувете... Великая Мать, Жар небес, заступись за детей своих...

Божак молодых Каланов, с дрожащими от страха губами – зрелище столь необычное, что Зоул мгновенно проснулся. Зимер уже подбрасывал сучья в костер, разрубая их своим топором. Пламя радостно загудело, выбрасывая в небо снопы искр, ярко осветив и ложбину, где они устроили лагерь, и кусты, тянущие к костру сухие корявые ветви. Зоул принялся с шумом ломать их, сбрасывая вниз к огню. Потом случайно глянул в сторону холма и замер, не в силах отвести глаз.

Звездные лучи призрачной дымкой стекали с берегов небесной реки, облекая одинокий менгир сверкающим ореолом. Казалось, он сияет своим внутренним светом. Каменный великан манил к себе. Из его недр исходил едва различимый, но властный зов. Черные трещины четко проступили на белоснежных боках, складываясь в неведомые руны.

«Руны, – какое странное слово, откуда я знаю его? Руны – говорящие знаки, застывшие звуки. Слово из прошлого... Когда-то я умел оживлять мертвые слова, превращать в звуки, читать их...»

Со стороны леса, оборвав тонкую нить призыва, накатила волна холода, ненависти и злобы, ощутимая до тошноты, до боли в затылке. Охранный круг вспыхнул малиновым огнем, сиюсь защитить укрывшихся внутри него.

Савин вскинул руку с дротиком, словно заслоняя глаза от света. Зимер выпрямился, выронив топор, схватился за амулет на груди, глядя в сторону надвигающейся опасности.

Только белый каменный великан продолжал все так же безмятежно пить лунный свет. Рядом послышался лихорадочный шепот. Рыбак взывал к предкам и духам – защитникам.

«А к кому обращаться мне? от кого я веду свой род, какие духи мне покровительствуют?»

И он мысленно потянулся к камню, решив черпнуть из этого родника хоть каплю силы, что истекала вместе с жемчужным сиянием.

В следующий миг юноша ощутил то, что злобно рвалось к ночному небу из тесной темницы давящей земли. Древко дротика выпало из ослабевших пальцев, холодный пот проступил на лбу. Что может сделать простое оружие этому созданию, переполненному кипящей яростью и неутолимым голодом...

Вверх, вверх, прочь из вековечного заточения, туда, где простор и воздух, где можно выпить соки чужой жизни, хоть на мгновение утолить грызущий голод. Вверх, сквозь тяжелые сырые пласты земли, нехотя уступающие силе и твердым когтям.

В древесных корнях растекалась воля хозяина леса, заставляя их держать, не выпускать на волю жуткого узника, но здесь, вдали от безбрежных лесов, он был слаб. Слишком мало сил таилось в этой хилой роще. Белесые хрупкие щупальца, преодолевая ужас своих деревьев, сплетались, вставая на пути плотной сетью. Но что ему, Ырку, порождению темной Моря, эти жалкие потуги. Он, походя, высасывал из них жизнь и крошил сухие, ломкие прутья.

Однако сила леса все же оттесняла в сторону от рощи, да он и не пытался к ней приблизиться. Нужно только вырваться на поверхность, чтобы выполнить обещанное и утолить свой грызущий голод. Там ему назначена иная добыча, горячая кровь.

Расползлись последние, густо пропитанные мелкой живностью и корнями трав пласты. Ноздри втянули великолепный холодный воздух, полный запахов живых тварей и тех троих, за кем он пришел.

Сама земля бессильно застонала, выпуская страшного пленника из объятий. Он отряхнулся, и направился к горящему в ночи костру, у которого жалась друг к другу испуганная двуногая дичь. Ее страх манил, словно сладкий пьянящий аромат нектара голодную ночную бабочку.

Юноши, чувствуя неспешное приближение неведомой твари, пятились назад и вскоре сомкнули плечи, загорюившись костром от опасности. Затрещали кусты, и на границе света появилась огромная туша – вставший на дыбы горбатый медведь с волчьей пастью. Голова вросла в плечи, а над черными клыками блестели большие, как плашки, мутные мертвые глаза.

Жуткий пришелец замер в нерешительности, вперив невидящий взгляд в троицу по ту сторону огня. Слева хрипло застонал Зимер, а Савин начал медленно оседать на землю. Гибельная усталость охватила спутников, пригибая к земле, сковывая руки, сдавливая дыхание. Зверь утробно рыкнул и начал неторопливо обходить костер по самому краю освещенного круга.

Огонь бросил в лицо рой жалящих искр. Зоул очнулся от оцепенения и, выхватив из костра головню, взмахнул ею. Пламя ярко вспыхнуло, осветив свалывшиеся космы с налипшими комьями земли и похожие на руки длинные лапы с желтыми кривыми когтями с ладонь.

Тварь взревела, отпрянув. Зимер, опомнившись, метнул в нее дротик. Длинное кремневое лезвие застряло в плече. Савин, вскочил, потянулся за луком. Стрелы одна за другой летели в оскаленную морду, но тварь, не замечая их, продолжала обходить ненавистный огонь, тяжело переступая короткими лапами.

Второй дротик глубоко вошел в грязный бок, но тут же сломался, как тростинка под ударом лапы. Зоул вновь взмахнул головней и швырнул ее, целя в мутные, словно студень, бельма. Зверь негодуя взревел и на мгновение остановился, сдирая когтями сыпучие угольки вместе с клочьями дымящейся шерсти.

– Огонь – закричал Зоул, выхватывая из костра новую ветку – он боится огня!

Спутники последовали его примеру, и порождение Моры отступило перед яркими факелами, злобно взрыкивая.

Длинные когти пытались дотянуться до вожденной добычи, но каждый раз их удар встречала плавающая головня. Трещала паленая шерсть, монстр в ужасе тряс лапами, пытаясь сбросить жалящие малиновые искры, но потом вновь и вновь нападал, не собираясь сдаваться и уходить. Пока спутники сдерживали тварь, Зоул остервенело ломал корявые ветки для новых факелов, сбрасывая их в ложбину.

Неожиданно свет костра померк. В сердце огня лежал большой шматок мокрой травы, болотного мха и тины, сочащийся каплями грязной воды. Над ним взвилось облако пара. Пламя бессильно шипело, не в силах справиться с этой пищей, а крупные капли пробивали в алом ковре углей все новые бреши. Ырк победно заурчал, рванулся вперед, но огненные росчерки перед мордой заставили его вновь отступить.

Юноша метнулся к огню, ногой отбросил в сторону дымящийся пласт, и начал лихо радочно ломать мелкие веточки, рвать сухую траву, раздувая жар углей. Соломенно-желтые язычки радостно взвились к небу, снова ярко осветив лагерь.

– Огня, Зоул, – услышал он отчаянный крик. – Ради предка, давай огня, сонный барсук.

Один из факелов Зимера уже едва алел. Костровой сунул в жар пару разлапистых хвостин, и, едва они занялись, метнулся к товарищу, который уворачивался от когтей, прикрываясь двумя едва тлеющими головешками. Зоул взмахнул ветвями. Пламя вспыхнуло, вновь отпугнув мертвого медведя. Отпрыгнув назад, к костру, Зоул схватил охапку сучьев и вдруг услышал над ухом шипение. Что-то холодное и влажное коснулось щеки, и он наудачу взмахнул палкой.

Удар пришелся точно в цель. В сторону отлетел еще один пук мокрой травы, а под ноги ему упало нечто, которое он поторопился придавить ногой.

Под подошвой извивалось и билось странное существо. Тонкое, почти змеиное тельце в локоть длиной, кожисто-перепончатые крылья и две когтистые лапки, бессильно скребущие дубленую кожу башмака. Рубиновые глазки на чешуйчатой змеиной голове глядели вполне осмысленно, со страхом и мольбой. Из пасти высунулся раздвоенный язычок, и создание прошипело:

– Отпус-с-сти... Хос-с-эдес-с-с отомс-с-ститс-с-с...

От удивления Зоул приподнял ногу, и гад выскользнул, распахнул крылья, подпрыгнув, взвился в воздух. Юноша, опомнившись, взмахнул палкой. На этот раз удар был не столь точен, но задел крыло, и помесь змеи с нетопырем свалилась прямо в жар разгоревшегося костра. Пламя ярко вспыхнуло, затрещав, и разом охватило чешуйчатое тельце, радуясь добыче.

Но сзади вновь раздалось хлопанье крыльев. Второй летун падал на костер со своей мокрой ношей и Зоул, не теряя времени даром, швырнул в него сук. Сбитый крылан упал где-то в кустах и больше не появился.

Последние предрассветные часы ночная тварь ходила вокруг ложбины, отступая все дальше и дальше. Вся округа была усыпана тлеющими угольями. Трава дымилась, кое-где занималась, рождая маленькие багровые язычки. Ужасный гость боялся огненного кольца, но упорно нападал. Только когда на восходе начала белеть, разгораясь, полоса окоема, он, злобно урча, ушел в сторону леса.

Юноши стояли с дымящимися головнями наготове, пока солнечный лось не выбрался из-за холмов на небесную тропу. Оставшихся сил хватило только доползти до постелей и заснуть рядом с гаснущим костром. Никто не остался на страже, лишь огненный глаз Томэ с небес да духи предков из неведомых далей хранили их покой.

Ветер качал одинокую былинку посреди горелой травы. Прилетел пестрый удод и уселся на обугленную ветку. Наклонив голову, смотрел на спящих людей. Один лежал лицом вниз, второй на боку, третий на спине, широко раскинув руки. По смуглой коже ровно в разрезе ворота ползла большая мохнатая муха. Птица долго приценивалась к ней, так и этак поворачивая голову, но приблизиться не решалась. Потом ее внимание привлекла иная, более лакомая добыча. У корней куста, среди черной щетины обгоревшего дерна, под серым покрывалом пепла что-то шевелилось. На свет вылез белый жирный подземный хрущ. Удод встряхнулся, готовясь спрыгнуть с ветки, как вдруг один из спящих повернул голову, разлепил веки и резко сел.

Птица, недовольно стрекоча, взвилась в воздух и улетела, а парень протер глаза, вскочил и принялся будить своих спутников.

Небесный лось проскакал уже больше половины своей тропы. Повсюду в сожженной траве виднелись глубокие следы ночной твари. Даже там, где огонь не коснулся земли, вокруг четырехпалых отпечатков зелень побурела и высохла, рассыпаясь в прах под дуновением ветра. Из нее высосали саму суть жизни.

Бурая дорожка тянулся в сторону леса и вдоль опушки, дальше к оврагу. Там, у границы древесного частокола, зияла черная дыра, рваная рана в теле земли, окруженная расплескавшейся, словно вода, почвой. Из-под вставшей дыбом дернины тянуло холодом подземного

мира и тяжелым гнетущим запахом смерти. След же вел еще дальше, но лезть в заросший ольшаником овраг, где укрылся Ырк, юноши не решились. Уж слишком нехорошим показалось это место.

Трое вернулась к потухшему костру, и там стали решать, что же теперь делать.

– Домой, домой надо идти, пусть старшие думают, что с этой бедой делать! – Кричал Савин. Сейчас он был напуган, а ведь совсем недавно рвался первым из поколения получить тайное имя. – Предкам ведомо: мы дрались, как могли, и никто не попрекнет, что вернулись с полпути. Зачем нам, мертвым, имена?

– Не успеем мы дойти, – мрачно пробурчал Зимер, – видишь? – он поднял вверх палец, – свет за половину перевалил. До первого схрона только к полуночи доберемся. Если доберемся...

– Так что, лучше в голую степь идти, или здесь на ночь останемся? Нет, пошли домой! Предки оборонили нас ночью, и на этот раз не оставят.

– На прашура надейся, да сам не мешкай – распалился вдруг охотник. – Ты что, не понял? – ночь ляжет, тварь по следу пойдет. Далеко от нее в темноте убежишь? Да и летуны эти, пожри их пламя... Второго-то мы так и не нашли, убрался, значит. Одна дорога нам теперь, к висячей тропе. У нее всегда стоят сторожа Крачек. Перейдем гремящую реку, а там они сами гостя встретят.

– А не успеем, что, в реку прыгать, с обрыва да вниз головой?

– Поторопимся, так как раз к закату и дойдем. Ну что, решим?

Спорщики повернулись к Зоулу, который до сих пор отмалчивался.

«Кого поддержать? Савина? Вернуться назад и оставаться чужаком? И почему Зимер так упорно стремится идти дальше? Ведь он-то в вожаки и не рвался никогда? Неспроста послал нас Отец Племена в дом Матери Всем, не дожидаясь, пока старейшины отправятся туда по морю. И кого отправил! Зимера и Савина – двух вечных соперников. Духам ведомо, оба лучшие – один среди Медведей, другой Каланов. Значит, быть им и в зрелости вожаками. Потому и тайное имя – знак силы, им требуется особое. Видно, хотел Гуор, чтобы в храм Матери в день даров они вошли уже мужчинами, встали вровень со старшими, и в трудный день повели братьев за собой. Чего же вождь ждет? Каких перемен? Что ж, пусть так и будет».

– Я думаю, идем дальше... К реке, – подвел он итог сказанному.

Савин надул губы и пожал плечами, но кивнул, соглашаясь.

Мешки покоятся за плечами, остатки углей затоптаны и спутники уже шагнули в степное разнотравье, когда Зоул оглянулся на путевой камень. В свете дня это был ничем не примечательный обломок скалы. Что за тайну скрывал он, дожидаясь новой ночи?

Теперь юноши шли прямо на восход, туда, где несла свои воды к морю Гремящая Река. Тихая и величественная на больших равнинах, грозная и бурная, ближе к устью, с шумом и грохотом неслась она по дну узкого русла, прогрызенного в прибрежном всхолмье. Стук окатышей в каменном желобе был слышен издали, недаром реку назвали гремящей. Спутники узнали ее голос раньше, чем увидели заросли краснотала на крутом берегу. Вскоре под ногами появилась едва заметная тропка, что петляя и извиваясь, ползла вдоль ущелья.

Юноши шагали быстро, без отдыха, стараясь не замечать сосущей ломоты в мышцах. Даже закусывали они на ходу, запивая жесткое вяленое мясо холодной водой.

Когда Небесный Огонь за спиной коснулся вершин деревьев, впереди показалась развилка. Еще одна тропа вела с равнины, и сливались у подножия высокого резного столба с той, по которой они шли. С идола на четыре стороны смотрели вырезанные в потемневшем от времени и непогоды дереве строгие личины предков. Под ними красовались символы племена Крачек.

Вдруг Зоул понял, что, если сейчас не сядет передохнуть, то ноги просто откажут ему служить и он упадет лицом в белый ковер сухих головок звездоцвета. Его спутники чувствовали себя не лучше, потому все трое, не сговариваясь, опустились на землю, прислонились ноющими спинами к порубежному знаку. Первым тишину нарушил Савин.

– Долго еще нам пятки бить?

– Пять пролетов стрелы, не больше, – уверенно ответил Зимер, – скоро доберемся, а там за всячей тропой и отдохнем по-настоящему.

– Давайте еще чуток посидим, – Взмолился Савин, – иначе я не сделаю и шага.

– Ладно, только не долго, – согласился охотник, – а то уже смеркаться начинает.

Зоул расслабил гудящие мышцы и суставы. От нагретого за день столба по телу разливалось приятное тепло. Юноша знал, что спать не следует, но веки тяжелели. Вскоре перед его взором поплыл искрящийся туман. Руки отказались шевелиться, голову заполнила звенящая пустота. И все же ему удалось на мгновение разлепить ресницы, увидев высоко над собой в темнеющем предзакатном небе острую вершину столба. На ней сидел знакомый перепончатокрылый гад. Заметив взгляд, летун зашипел. Змеиный хвост хлестнул по бревну, хлопнули, раскрываясь, кожистые крылья, а потом... огромная мягкая ладонь придавила человека к земле, выталкивая из дневного мира в пучину забытья. «Сонный морок, – успел подумать Зоул, – Мы не успели... нет огня, нет охранных заклятий...». Но и эта мысль уже гасла, тонула в зыбком тумане призрачных видений полночного мира.

Глава 4. Вода и огонь

Осторожные пальцы захватили серую жилку и начали вытягивать ее из черной бездны внизу. Все большие витков наматывалось на острые зубцы гребня и чешуйчатые тела костяных змей. Нить шла туго и, наконец, остановилась, натянувшись, словно струна. Тогда проворные пальцы стали скручивать ее и вновь раскатывать, пропускать между зубьев и вновь разглаживать. И вот пряжа стала расплетаться, распадаясь на отдельные волокна. Они множились и вскоре заполнили собой все поле. Тонкий пух волокон растекся, превратившись в серый туман, и рука погрузила в него черный камень наверху. Темные волны разбежались по глади, и остатки света свернулись, словно молоко, сгустились в яркие капли на черном холсте, став искрами звезд над седой равниной.

Янтарный зрачок царицы ночи и мерцающие россыпи небесных светляков источали холодный белый свет. Он превратил редкие кусты и сухие метелки степной травы в барельеф чеканного серебра, серых призраков на угольно-черном полотне неба. Среди них двигалась тень, заслоняя собой звездные искры. От грузной туши исходил сладковатый аромат гниющей плоти, влажный грибной запах плесени и свежеразрытой земли. Резким диссонансом в нежную мелодию тишины, ветра и ночных звонцов врвался шум тяжелых шагов, скрежет когтей по камням и низкое утробное ворчание.

Недавно здесь прошли люди, оставив в воздухе привкус дыма, звериных шкур и жареного мяса. Почва хорошо помнила их ноги, и тварь уверенно шла по следу, на удивление быстро перебирая короткими лапами, стремительно двигаясь туда, где все явственней слышался шум бегущей к морю воды.

Зоул проснулся внезапно, словно кто-то толкнул его под ребро, вскочил на ноги и заметил сорвавшуюся со столба крылатую тень. С недовольным шипением змеехвостый унесся во мрак. Вечерняя заря давно истаяла, не оставив и следа. Над головой перемигивались глазки звезд. Зимер лежал на земле, подложив руки под голову, а Савин так и сидел, отпершись спиной о столб. Оба спали.

Где-то очень далеко, за окружавшими реку холмами, раздался не то крик, не то вой, протяжный и прерывистый. Перед глазами само собой всплыло недавнее сонное видение, и по спине прополз противный холодок. Юноша бросился будить своих спутников. Зимер проснулся сразу, пробормотал:

– Вот сподобило ж...

Савин долго смотрел перед собой невидящим взглядом, но, наконец, и до него дошло, что нужно уходить.

– Скорей к реке, – торопил его Зоул, – ночной нагоняет.

Юноши бежали по едва различимой в темноте тропе, падали, спотыкаясь, поднимались и мчались дальше. Гул реки сопровождал их. Где-то сбоку мелькнули нетопырьи крылья. Чешуйчатый соглядатай не отставал. Прибрежные кусты стояли сплошной стеной, и спутники едва не проскочили ответвление тропы. Едва заметная стежка нырнула под полог свисающих до самой земли ветвей.

За деревьями пряталась широкая утоптанная площадка на краю крутояра. Внизу, ревел стремительный поток. Впереди за туманом угадывалась стена другого берега, а прямо перед спутниками дрожал и покачивался над пропастью узкий висячий мост.

Толстые лыковые канаты обвязаны вокруг стволов старых ив, склонившихся над каменным обрывом. Бугристые пальцы корней вросли в трещины скалы. Трое беглецов замерли

на краю, долго не решаясь ступить на скользкий настил из переплетенных лыком жердей, на взгляд ненадежный и хлипкий.

Первый шаг сделал Зимер, за ним последовал Зоул, судорожно вцепился в канаты, но заставил себя сделать шаг, потом еще, стараясь не глядеть вниз. Переправа раскачивалась так, что временами было непонятно, то ли он взлетает ввысь, то ли падает в реку. Но миновав середину моста, увидев другой берег, ускорил шаги и почти выбежал на надежную твердую землю.

Перед ним стоял Зимер и заворожено глядел куда-то в темные заросли. Зоул проследил его взгляд. Среди листьев блестели человечесьи глаза и кремневый оголовок стрелы, направленный прямо ему в сердце.

Из куста вынырнул коренастый, закутанный в меховой плащ охотник.

– Кто вы? – скрипучий голос был резок и холоден как порыв зимнего ветра, – Что ищите в наших землях? Почему крадетесь ночью?

– Ладонь Матери Всех над тобой и твоим племенем, старший! – ответил подоспевший Савин. – Мы дети Кайр, идем на большой совет.

– Почему здесь? Вас ждут у Гусиной Лапки. Всячая тропа только для Крачек.

– Там, – юноша указал рукой за реку, – на нас напала тварь Хосэдэ и теперь идет по следам. Мы не успеем... он догонит нас до переправы. Поверь нам, старший. Позволь встретить ее вместе с вами. – И увидев, что лицо мужчины остается по-прежнему холодным, добавил: – Ради Единого Предка поверь нам.

Дозорный молча рассматривал спутников. Готовая сорваться с луков оперенная смерть насмешливо глядела им в лицо злыми искрами на каменных остриях.

– Послушай, старший, – не выдержав, заговорил Зимер, – твой род – род охотников, выслушай же слово леса.

Хозяин кивнул и, сделав знак стрелкам, отошел от пришельцев на полдесятка шагов. Зимер последовал за ним и, отвернувшись от спутников, вынул что-то из запазухи, показал мужчине, прибавив несколько тихих фраз. Можно только догадываться, какие тайные связи объединяли лесных добытчиков разных племен, и что за весть нес его товарищ к землянке своего рода на поле торгов.

Может потому старейшина отправил их тайно этим путем, может Зоул и Савин лишь охрана для вестника? Однако то, что показал Зимер, подействовало.

Охотник Крачек сделал знак рукой, и стрелки опустили луки.

– Шагайте за мной да не сворачивайте, – сказал, словно ледяной водой плеснул и нырнул в кусты.

За первыми цепкими ветвями тальника скрывался расчищенный утоптаный проход. Скудный свет луны не проникал под густые кроны и Зоул шел вперед в полной темноте. Не успел он сделать и десятиа шагов, как едва не уткнулся лицом в спину идущего впереди мужчины.

– Осторожись, ступени, – донеслось запоздалое предупреждение.

Тусклый свет упал из-под полога на проступи спуска – вкопанные в землю деревянные плахи. За занавесью оказалась землянка с жердяным потолком. У входа, в глиняной рубашке очага, теплился огонек, а в нише стены светила желтым язычком каменная плочка светильника. Пламя на фитиле затрепетало под порывом воздуха, разбросав по стенам землянки причудливые пятна теней.

Следом вошли Зимер с Савином. Охотник еще раз придирчиво осмотрел пришельцев, взгляделся в их лица и, удовлетворенно кивнув, повернулся к дальнему, темному углу жилища.

– Ищущие Имя из племени Кайр, мудрейший, – произнес он в темноту, – в этом я им верю. Но в остальном... выслушай их сам.

И охотник с легким полупоклоном отступил к стене.

Из угла донеслись скрип дерева, кряхтение и на свет, тяжело опираясь на длинный резной посох, вышел старик. Целый ворох темных шкур свисал с его плеч, на кончиках кос – фигурки духов и животных, обереги колдуна. Не мудрено было не заметить его в полутьме. Черные с проседью волосы и морщинисто-бурая, как древесная кора, кожа лица почти сливалась с земляными стенами. Приблизившись вплотную, он острым и цепким взглядом ощупал лицо каждого из юношей.

– Великий Предок и Мать Для Всех хранят вас, вижу... – прокричал Говорящий с Духами. – Ноги ваши быстры, руки сильны, глаз верен и мысли чисты. Хорошо... ну говорите, что видели. Духам ведомо, духи слышат, слова ваши будут правдивы...

Савин коротко пересказал все, что случилось ночью. Мудрейший внимательно слушал, переминаясь с ноги на ногу. Звякали блестящие раковины и желтые зеркала на балахоне. Он вновь и вновь пробежал взглядом по лицам гостей и... остановил его на Зоуле.

– Ты, – прокаркал старик, – значит это ты найденыш кайр...

У юноши закружилась голова, в ушах раздался далекий звон, а глядящие в упор глаза старика странно приблизились...

Говорящий с Духами вздрогнул и повернулся к выходу, услышав снаружи испуганный крик ночной птицы.

И наваждение схлынуло, как море при отливе.

Старик повернулся к старшему охотнику. Им не потребовалось слов, чтобы понять друг друга. Лишь один взгляд, и мужчина, кивнув, выскочил из землянки.

– Идите за ним, – указал на дверной полог старейшина, – я следом...

После тесной и душной землянки воздух обжег ноздри режущей свежестью. Тьма же показалась еще непроглядней. Рядом привычно грохотала река. Зоул двинулся вперед и вскоре наткнулся на затаившихся охотников. Найдя свободное место у плетеной из живых веток ограды, заглянул в одну из смотровых прорех, увидел противоположный берег и мост. Внизу, над рекой, клубился густой туман, вытягивая вверх бесформенные отростки. Влажно блестели облизанные ими жерди настила. На другой стороне ущелья, там, куда уткнулась темная лента висячей тропы, на фоне струящегося серебра ивовых листьев ворочалась черная тень. Мертвый страж пути догнал ускользнувшую добычу.

Он нерешительно топтался перед непривычным шатким помостом, издавая недовольное ворчание. Люди, затаив дыхание, следили, как жуткая фигура двинулась вперед. Затрещали и жалобно загудели под небывалой ношей лыковые канаты.

– Великие предки, кто это? – прошептал один из охотников.

Тварь медленно приближалась. Хрустели жерди, стонали веревки, налетевший ветер подбрасывал вверх клочья тумана.

Рядом звякнул металл и Зоул угадал хриплое дыхание мудрейшего. Старому колдуну достаточно было одного взгляда на мост, чтобы бросить короткий приказ:

– Стрелы.

Охотники вскинули луки. Каменные острия со свистом рассекли воздух, потом еще и еще раз. Глухо пели освобожденные тетивы, сливая свой голос с гортанным речитативом слов призыва и повеления, что выкрикивал старик.

Но темная туша на мосту продолжала ползти к его середине, не замечая вонзающихся в неживую плоть наконечников.

– Рум, Тур – огонь и факелы. – На мгновение прервав вязь заклятий, выкрикнул колдун.

Двое охотников кинулись к землянке и вернулись с горшком угля и охапкой палок, обмотанных растрепанным, пропитанным жиром, льком.

– Паклю на стрелы, – проревел старший охотник. Зоулу тоже сунули пару факелов, пучок древков, и он принялся обматывать оголовки липкими, дурно пахнущими, прядями.

Старший выбежал из-под ветвей и бросил горшок на сухую траву. Стрелки встали рядом. Над россыпью бордовых углей показались голубые язычки пламени. Зоул и его спутники сунули в жар наконечники и подали стрелы охотникам.

Четыре огненные дорожки прорезали ночь, устремились к туше на мосту. Две вонзились в настил, остальные канули в туман. Новая стайка огней понеслись к врагу, ярко осветив и сам мост и создание Моры, замершее перед пучками горячей пакли. На этот раз все нашли цель. По ущелью, спугнув спящих птиц, раскатился злобный рев. Запахло паленой шерстью. Длинные когти рвали гнилую плоть, сбрасывая пылающие патлы, но жир растекался по волосу желто-голубыми огненными струйками.

Стрелки вновь и вновь рвали тетивы. Клубки пламени летели к зверю, отрезая ему путь вперед стеной огня. Но мокрое, напоенное туманом, дерево настила гореть не желало. Голубые ручейки, бессильно шипя, стекали по влажным бокам жердей, и срывались вниз, огненными каплями пронзая молочную завесу над водой.

Страж путей воздел клыкастую морду к равнодушной луне в прорехе облаков и заревел яростно, зло, негодуяще и вместе с тем жалобно и обиженно. Он будто грозил кому-то, требуя отдать обещанное. Вой доносился, казалось до самых небесных высей, но ответа не было.

Тогда, замолчав, тварь опустила голову, устремив взгляд вперед, и Зоул ясно увидел алые язычки пламени в мутных неподвижных зрачках мертвых глаз. В лицо пахло смрадом и холодом, мышцы потеряли силу и руки повисли плетью.

Стрелки, метнув последние стрелы, опустили луки. Только Говорящий с Духами все также выводил свою песнь – заклинание.

И тут зверь рванулся вперед, сквозь огонь, по просевшему мосту. Зоул понял, что стремится он именно к нему.

Люди стояли, оцепенело глядя на близящийся факел горячей плоти. Оборвав заклатье на полуслове, старик, с неожиданным для его возраста проворством, выхватил у Зимера тяжелый топор и в три прыжка оказался у края пропасти. Широкий замах и кремневое лезвие, блеснув в лунном луче, обрушилось на вкопанное в землю бревно в том месте, где его сдавливали, обвивая, тугие кольца каната. Еще один удар и лыковые волокна с треском лопнули, хлестнув концом воздух точно плетью.

Захрустели, ломаясь, горящие перекладыны настила, зазвенел, натянувшись, второй канат, а страж пути вцепился в него, и негодуяще взревел. Никто из молодых так и не успел сдвинуться с места, а старик уже оказался у второй опоры, снова подняв топор. Почерневший, обросший мхом, ствол отозвался на удар ворчливым гулом, словно ссохшийся камлальный бубен. И старое дерево не выдержало. Косая распорка выскочила из трухлявого гнезда. Канат вырвал бревно из земли. Оно комлем ударило в грудь старого колдуна и сорвалось в пропасть. Дымящаяся туша порождения Моры полетела вниз вместе с пылающим мостом, подсветив поглотивший их туман алыми сполохами. На фоне гаснущего зарева Зоул успел заметить знакомую крылатую тень со змеиным хвостом. Вырвавшись из молочной пелены, летун скрылся в прибрежных ивах.

Со дна ущелья донесся глухой удар, треск дерева, всплеск воды и огонь погас. Шум стих, лишь река пела свою песню в извечном стремлении к морю.

Старик лежал на спине у ног соплеменников, упершись неподвижным взглядом в серое предутреннее небо.

Когда Небесный Огонь разогнал остатки тумана над рекой, двое охотников спустились с обрыва, но ничего не нашли, кроме нескольких ключев шерсти на свисающих канатах. Беспокойная вода смыла и унесла с собою все следы.

Еще до утренней зари в поселок Крачек отправился вестник, а теперь, с рассветом, и остальные. Впереди шагал Токур, старший, за ним двое охотников с носилками, на которых покоилось тело Говорящего с Духами. Замыкали шествие трое пришельцев.

В четверти перехода от висячей тропы стремительный бег гремящей реки прерывался, и она бирюзовыми струями срывалась с обрыва, дробясь далеко внизу на лоснящихся спинах валунов в брызги и пыль. Воздух наполнился приятной влажной прохладой. Зоул стоял на краю обрыва и, затаив дыхание, смотрел вниз. В скалистое взморье врезался широкий клин речной долины. На дне раскинулись болота поймы, заросшие красноталом, тростником и рогозом. Среди изумрудных ковров осоки виднелись бесчисленные голубые зеркала протоков и омутов.

Тем временем носильщики спустились по узкой уступчатой тропе к подножию источенной водой стены обрыва, и юноша поспешил вслед за ними. Оказавшись внизу, он еще раз оглянулся на гроздь радуг над водопадом, и нырнул в заросли ивовой лозы, на песчаном берегу.

То и дело над головами людей взлетали стайки вездесущих водных птиц, но никто из охотников не поднял лука. И хозяева, и гости племени молча пробирались сквозь кусты, утопая в мокром песке, раздвигая так и норовившие хлестнуть по лицу побегу. Но мучения были недолгими. Вскоре впереди проглянула большая плитняковая осыпь, голая и сухая, прокаленная полуденным солнцем. Над ней нависал массивный бурый утес. Идти по хрустевшим под ногами камням оказалось много удобнее, путники быстро обогнули скалу и остановились. Охотники опустили наземь скорбную ношу и склонили головы, а юноши молча стояли, пораженные открывшимся видом.

Из пологого откоса вырастали угловатые белесые столбы, бессонной стражей обступив нишу под обрывом. Меж ними, покоясь на двух плоских валунах, как на ладонях, поднималась над осыпью округлая чаша бурого камня. Над ней склонялось огромное, грубо высеченное, лицо, доброе и строгое, спокойное и величественное. Лицо Матери Всех. Над ним нависал карниз, из трещин его сочились струйки воды, прозрачной вуалью закрывая лик. Под тонким дрожющим и переливчатым покрывалом лицо казалось живым – то радостным, то опечаленным, то спокойным. Падая в сосуд, вода кипела в ее чреве снежно-белыми клубами. Пена переливалась через край, сбегая по склону к прибрежным зарослям.

Зоул узнал Молочную Чашу, о которой не раз слышал от старейшин. Токур зачерпнул из ручья пригоршню хрустально-чистой влаги, поднес к губам старика, омочив их, и вылил остатки ему в ноги. Охотники взвалили носилки на плечи и продолжили свой путь по кромке речной поймы, так и не проронив ни слова.

Землянки племени Крачек лепились к откосам, словно гнездовья их тотемных птиц. Под откосами лежал бурый пляж, перетекающий с полуночной стороны в длинную песчаную косу. С другого края в бухту вливались рукава и протоки болотистой низины, окрашивая ее в желто-коричневый цвет.

В поселке путников уже ждали. На косе стояла большая долбленая лодка, увешанная гирляндами хвойных веток и мелких лесных цветов. Вокруг стояли старшие охотники и старейшины в накидках из шкурок птиц.

Носилки опустили с плеч на мокрый песок. Старика уложили на устланное пахучими травами дно в праздничном одеянии Говорящего с Духами. На дне долбленки нашли себе место лук и стрелы, топор и кучка обсидиановых лезвий, еда в дальнюю дорогу.

Вспыхнули четыре жарких костра, и вскоре над ними уже жарилось мясо косули. Ее сердце и печень легли в ноги старику, а череп с рогами украсил нос лодки.

Зоула с товарищами усадили в общий круг у костра, и каждый получил по куску дымящегося мяса. По кругу пустили чаши густого пахучего питья с ароматом хмеля, замешанного на крови жертвы.

В костер упали пучки трав и янтарные куски смолы. Густой горьковатый дым повис над берегом. Даже неугомонный ветерок стих и над морем воцарилось безмолвие. Лишь беспокойные волны шипели на песке.

И вот в ритмичный шум прибоя начал вплетаться узор монотонной песни. Протяжной и печальной, долгой, точно зимняя ночь, словно вечный бег океанских валов, тоскливой, как крики чаек над утесами, то рокочущей громом яростного шторма, то шепчущей осенним ветром в вершинах сосен. Древняя, как сам океан, песня о том, что все, кто пришел в этот мир, в свой черед отправятся за море, в земли вечного лета и птичьих стай, тучных стад, доброй охоты и обильных уловов, туда, где юное солнце рождается из морских вод.

Пока тянулась песня, огненный глаз соскользнул с небесного купола за вершины деревьев, окрасив перья облаков цветом бирюзы и аметиста. Белая тень луны все отчетливее проступала на темнеющем восточном окоеме.

Вдруг Зоул понял, что волны плещутся у самых его ног. Незаметно и обыденно прилив вползал на берег, поглощая песчаную косу.

Лодка качнулась раз, другой, нехотя снялась и поплыла по серебристой дорожке к владычице ночного неба, круглой, словно бубен. Челн удалялся, уменьшаясь, сливаясь с водной рябью, и песня медленно стихала, растворяясь в плеске волн. Наконец люди ушли, а вода, смыв их следы, сомкнулась над последним островком песчаной отмели.

Ночь стерла с неба последний закатный отблеск, и в поселке начался обряд очищения. Все, кто провожал в путь Говорящего с Духами, собрались у большой землянки, врытой в откос. Из-под дерновой крыши клубами выбивались дым и пар. Мужчины группами входили за кожаный занавес и возвращались мокрыми, распаренными и довольными. Дошла очередь и до Зоула со спутниками.

Откинув полог, они вошли в баню. Посреди устланного тростником пола шипел, раскалившийся докрасна, каменный очаг. Плеснув на него по пригоршне воды из корчаги, развешили на жердях свою одежду и принялись ждать, когда пот покроет кожу.

После очищения тела гостей провели в обширную пещеру под обрывом. Дрожащий свет факелов едва обрисовывал фигуры сидящих у стен людей. В центре пустого круга, стоял новый Говорящий с Духами. Бесчисленные камешки, бусинки и фигурки на его балахоне сверкали, искрились и позвякивали.

Под каменным куполом повисла тишина. Мудрейший поднял руки и, чуть покачиваясь, начал напевать едва слышимую песню. Из темноты вынырнули две юные девушки, разливая по раковинам хрустальную влагу из большого сосуда, с поклоном подавая сидящим. Зоул в свою очередь принял из нежных рук и выпил в три глотка прохладную воду, воду из молочной чаши, принесенную в поселок еще при свете дня.

В руках Говорящего с Духами появился бубен. Он зарокотал сначала редко и протяжно, а потом все быстрее и быстрее. Песня стала громче и отрывистой. Старик закружился в танце, обходя ряды людей, за ним шли помощники, окуривая их смолистым едким дымом.

Упругий кожаный круг гудел все громче, а свет факелов тонул в густых терпких клубах, дробясь на радужные кольца. Сердце Зоула билось все быстрее в такт ритму. Пещера и лица расплывались, отступая, уходя вдаль. Бубен вел его все дальше по уже знакомой тропе в край видений и снов, край, где пряталось его прошлое, где он мог обрести себя прежнего. И юноша с радостью устремился по этому пути.

Глава 5. Волны и ветер

Разноцветные прожилки свободно кружились в бесчисленных водоворотах молочного тумана и лишь одна серебристая, натянувшись, дрожала, сверкая синими искрами, извиваясь в тонких, но сильных пальцах. Рука поднесла к ней гребень, и, казалось, перламутровые змеи сами потянулись вперед вместе с тем, что держали в пастях. Нить извивалась, стараясь вырваться, но черный камень приближался и, наконец, коснулся ее. Серая струйка тумана поблекла и безжизненно повисла, а черный камень, вобрав в себя ее блеск, окрасился голубым и серым. Рука выпустила пряжу и взмахнула гребнем. Серебристо-сапфировое сияние большой каплей соскользнуло с округлого навершия и, упав в гущу снежного дыма, расплылась кляксой, раздвигая радужный занавес.

Холодный ветер качал высокие травы, гоня серебряные волны по залитой хрустальным лунным светом равнине. Голоса ночных звонцов разливались в тишине, и легкая пелена тумана висела над влажными низинами.

Волк мчался по степи под немигающим взглядом летних звезд, и тень стелилась перед ним. Жгучий восторг, упоение стремительным бегом, силой неутомимых лап переполняли его, словно чашу, налитую до краев терпким вином.

Протяжный вибрирующий звук разлился над долиной. Остановившись, он вслушался в этот зов, и каждая жилка, каждый нерв его тела вибрировали вместе с тонкими переливами бесконечной песни. Подняв морду к небесным светлякам, глядя в лицо Атес, он застыл, окаменев. В нем бурлила, смешиваясь с рвущимся наружу восторгом, древняя родовая память. И он выплеснул из себя эту смесь гимном ночи и полной луне, отвечая на зов.

И вновь был бег к сердцу равнины. Там ждал величественный курган и хоровод вертикально стоящих камней на вершине, серебряных великанов, укутанных в плащи из лунного сияния. Льющийся с неба свет сгущался над холмом и искристым водопадом стекал в центр хоровода.

Волк взбежал на вершину и осторожными шагами прокрался между двух мегалитов, окунувшись с головой, будто в воду, в осязаемо плотные лучи. Будь это неожиданным гостем, бесплотное свечение обожгло бы словно огонь, но зверь без помех прошел этот занавес, скрывший от внешнего мира то, что происходило внутри ограды.

Сквозь жемчужный туман виднелся круглый черный камень в центре внутреннего кольца столбов, пьющий сияние, словно губка воду. Вокруг валуна застыли одиннадцать белых волков. Одно место было пусто, и он занял его, замкнув круг.

Алтарь вспыхнул. Зверей окатила волна слепящего света и схлынула, оставив двенадцать человеческих фигур, двенадцать нагих мужчин. Братья подняли вверх руки и запели. Все было в этой песне – лунная ночь и степь, радость охоты и вкус крови на языке, наслаждение битвой и краткими минутами отдыха, гордость и единство перед лицом врага, счастье созидания и ярость разрушения.

Вместе с голосами сливались и души. Каждый был каждым, а все вместе чем-то большим. Со столбом жемчужного сияния уносились они к небесному куполу и там, в неведомых высях, крохотной каплей вливались в безбрежный океан жизни – всеобщей сути живущих, кативший свои волны от края до края этого мира.

Зоул очнулся от боли в боку. Острый камешек закатился под рогожу и давил на ребро. В щели низкой камышовой кровли уже просачивался дневной свет, больно резавший глаза.

– Велики предки, проснулся, наконец, – послышался недовольный голос Савина. – Я уж хотел водицы принести, освежить...

– Чего зря языком толчешь. – Пробасил из темноты Зимер, – сам знаешь, нельзя будить, пока душа на той стороне, может и не вернуться. – И, подумав, добавил, – хотя мне и самому хотелось его встряхнуть...

– Ладно, идем, нас давно ждут в пещере. – Савин выскочил на вольный воздух.

Зимер, не торопясь, поднялся с лежанки, поиграл плечами, разминая суставы, и тоже вышел. Зоулу ничего не оставалось, как протереть глаза и догонять спутников.

С моря дул спокойный, но тягучий и холодный ветер, волнуя темную и шершавую, как древесная кора, воду бухты. Волны одна за другой выбрасывались на песок. Ветер рвал пену в клочья и бросал в лицо людям соленую водяную пыль.

У полосы прибоя две черноволосые девушки сидели на перевернутой долбленке, болтая ногами, чинили растянутую на жердях сеть. Увидев чужаков, обе склонились над неводом, старательно вывязывая узлы, украдкой рассматривая молодых людей, толкаясь локтями и пересмеиваясь.

Савин отделился от спутников, подошел к ним и, опершись локтем на перекладину, заговорил.

– Благословенья предков, красавицы, проводите до пещеры старших?

– Сам дойдешь, – не поднимая глаз, ответила одна.

– Не видишь, мы заняты, – поддакнула вторая.

– Так хоть скажите, куда идти то.

– Если глаз не потерял, увидишь, – ответила первая, поправив фартук на коленях.

– Под красной скалой она, – добавила вторая, на мгновение оторвав, наконец, взгляд от сети.

– Ну, идите, а я догоню, – махнул спутникам Савин.

– Гляди, ждать не будем... – проворчал Зимер.

– Иди давай, – Рыбак повернулся к подружкам. – Девчонки, а вы не знаете...

Зимер недовольно глянул в сторону соплеменника и пошел вдоль берега. Зоул поспешил за ним. Сзади доносился залиvistый смех.

Сын калана догнал спутников на другом конце бухты, у подножия красноватого сланцевого утеса. Чтобы добраться до пещеры, нужно было вскарабкаться по изъеденным влагой камням, к темному устью под нависшей шапкой карниза.

У входа, опершись на исполосованную белыми потеками стену, стоял молодой охотник. Увидев чужаков, он поспешил внутрь, а юноши остались ждать приглашения, вслушиваясь в обрывки долетающих слов.

– ...слышали... да ждали иного...

– ...лесной хозяин, поверженный и...

– ...теперь не знаем, за кем шел...

– ...без него словно слепые щенки...

– ...кто мог пройти так далеко по пути духов...

– ...будем внимать тому, что доступно слуху...

– ...не о них ли...

– Юноши кайр ожидают, мудрейшие...

– Пусть войдут.

После яркого дня глаза не сразу привыкли к полумраку под каменными сводами. В круге пылающих факелов, развешанных на резных столбах, сидели семеро – схожие, словно братья. Белые бороды, седые косы, под пернатыми куколями, длинные длаки, укрывшие скрещенные ноги. Лица казались знакомыми по вчерашнему вечеру. Внимательные взгляды семи пар голубых до белизны глаз устремились на вошедших.

– Защита предков и Матери Всем вам и вашему племени, мудрейшие, – склонили головы молодые люди.

– Тень Пернатого и Мать с вами, – ответил за всех старик в центре полукруга, сжимая в правой руке резной костяной посох, – дайте отдых ногам и волю словам. – Поведайте про позапрошлую ночь, ничего не тая.

– Духам ведомо, мои слова правдивы, – начал свою речь Савин, и удобно устроился на травяной подстилке. Его рассказ был обстоятелен и неспешен, поговорить вожак молодых Каланов любил. Старейшины слушали внимательно и терпеливо, временами переспрашивали. Когда же повесть кончилась, сидящий по правую руку обратился к Зоулу и Зимеру:

– Все ли верно и нет ли слов вслед сказанному?

– Мой родич все передал, пращурам ведомо, – кивнул Зимер.

– Все слова прямы, – Зоул решил оставить свои тайны при себе.

– Мы услышали что хотели, – произнес носитель посоха. – Сегодня к стану совета племен отправятся лодки. Вы можете занять в них три места.

Юноши переглянулись, и каждый кивнул.

– Мы согласны, мудрейшие – ответил Савин.

– Верно решили, – одобрительно улыбнулся сидящий по левую руку от Отца Племена.

Готовые в дорогу лодки нашлись без труда. Они стояли рядом, у края прибоа. Гребцы укладывали на дно мешки с провизией и шкуры для постелей. Охотники в полном вооружении с дорожными мешками стояли чуть поодаль. Зимер безошибочно определил старшего и, переговорив с ним, повел соплеменников к крайней, самой большой долбленке, где, кроме юношей, поместились еще три гребца и рулевой.

Когда крачки попрощались с родичами и принесли жертвы хозяину вод, все дружно взялись за деревянные борта. Днища сердито заскрипели, подминая крупный песок. Каждому из пловцов досталось по узкому веслу и острые носы, украшенные головами птиц, сначала рывками, а потом все ровнее и уверенней, принялись рассекать набегающие волны.

Грести пришлось, пока не заболели плечи, а ладони не стали гореть так, словно ручки весел были из раскаленного в огне камня. Небесный лось вскарабкался на вершину своей заоблачной тропы, и лучи солнца, горящего меж его рогов, растекались по воде, слепя глаза. Но, наконец, ветер, дувший в правый борт, раскачивая лодки и перехлестывая через них волны, повернул и ударил гребцам в спину. На мачты подняли косые, плетенные из камыша паруса и долбленки, подпрыгивая на гребнях валов, понеслись вперед, словно на крыльях, позволив людям отдохнуть.

Весь день караван шел вдоль берега, держа его по левому борту. Утесы, поросшие лесом, сменили пологие галечные косы. Мимо проплывали одинокие скалы посреди моря. У подножия кипела белая пена, а над голыми, в серых потеках помета, камнями кружились шумные стаи птиц. Временами над водой показывались горбы песчаных банок, словно округлые спины неведомых морских чудищ, и темно-зеленые валы с шипением перекатывались через них.

Перед закатом впереди показались горбы острова трех черепах. С полуночной стороны в серой уступчатой стене открылась узкая щель. За ней пряталась крохотная бухточка, где поместились все три лодки. Нашлась и пещера для ночлега, уютная и сухая.

На рассвете, когда сонное солнце показалось из изумрудно-розовых вод, гребцы уже сидели в лодках, налегая на отполированные ручки весел. В этот раз плавание было недолгим. Вскоре впереди показалось белое острие Морского Пальца.

Чем выше поднималась над темной поверхностью устремленная в небо игла, тем спокойнее становился ветер, ниже волны, даже плотный войлок облаков истончался, обнажая в прорехах васильковую подкладку. Менгир казался туманной тенью, висящим над морем столбом дыма, пока не обозначилось его угольно-черное основание, залезанное до блеска ветром и вол-

нами. Гордые сосны, цепляясь корнями за камни высокого мыса, едва доставали белоснежному исполину до пояса.

Солнечные лучи, прорываясь сквозь облачную завесу, рассыпались серебряными бликами по мелкой ряби залива, тогда как сзади за незримой границей разыгравшийся ветер продолжал швырять на берег водные валы.

Бледная игла над заливом была до удивления похожа на одинокий камень с больших равнин, как многократно выросший брат близнец. Казалось, даже трещины на его боках скрывают те же таинственные руны.

Ветер почти совсем утих, и путешественникам вновь пришлось налечь на весла, толкая свои лодки вдоль обрывистого берега к изогнутому широкой дугой пляжу. Из прибоя вставали сваи причальных помостов, а вокруг них на серой полосе песка темнели пятна вытащенных на берег деревянных челнов, кожаных лодок и длинных бревенчатых плотов.

Выше начиналось травяное поле, пологим желобом спускаясь от поросших лесом вершин холмов к синему блюду залива. Над равниной поднимались зыбкие струйки дыма от бесчисленных навесов шалашей и землянок, просяными зернами рассыпанных по склонам. И повсюду, между жилищ, вокруг причалов, по густой сети тропинок сновало множество людей.

Выпуклый борт ударился о подпорки помоста, гребцы быстро и сноровисто подтянули к ним лодку, привязав просмоленной веревкой. Зоул вскарабкался на скользкие жерди настила, потянулся, разминая затекшие ноги и спину.

Охотники принялись выгружать на мостки кожаные тюки, а трое юношей, простившись с ними, направились в гущу строений, туда, где над крышами виднелся шест с родовым знаком – распахнутыми крыльями кайры.

Вдоль тропок стояли рамы, были расстелены шкуры и сухая трава, а на них разложено и развешено, растянуто и развернуто все то, что принесли для обмена разные племена. Меха и кожа, яркие перья, куски смол и воска, горшочки с медом, прутья редких деревьев, травы и душистые семена. Сухожилия, луб, рог, кость и бивень, раковины и панцири, кремь, обсидиан и множество иных камней всех цветов радуги – голубых, точно капли неба и алых, словно кровь. Сушеное мясо, рыба, орехи, ягоды. Соль, желтая сера и едкие белые порошки. Зерно, веревки, посуда.

Мужчины разных племен постоянно жили здесь, отыскивая то, чего не доставало их роду, и обменивали то, что имелось в избытке.

В преддверии праздника Матери и большого совета на поле было особенно людно. С детьми Пернатого смешались северные охотники в кожаных куртках с блестящими подвесками в черных волосах, рыболовы с дальних островов в плащах из пятнистых шкур морского зверя, жители южных побережий в ярких тканых одеждах и цветных платках, кочевые скотоводы степей в отороченных мехом шапках. В глазах рябило от причудливых украшений и оберегов, незнакомого оружия.

Юноши, ошарашенные этой пестротой, то и дело задерживались у очередной палатки, рассматривая товары и украдкой их владельца, пораженные невероятной раскраской кожи, прической или странными чертами лиц.

Завсегдатаи поля, напротив, не проявляли к троице интереса. Окинув их быстрым взглядом, хозяева палаток понимали – от этих молодых зевак не стоит ждать серьезного торга, и вновь смотрели в толпу, ожидая настоящего меновщика.

Неожиданно Зоул ощутил укол холодного чужого взора и обернулся, на мгновение встретившись глазами с черноволосым чужаком у соседнего шалаша. Юношу словно с размаху хлестнули по лицу, столь тяжел и враждебен был этот взгляд. Так расчетливый хищник оценивает силу жертвы, уже предвкушая вкус ее крови на языке. Так, не мигая смотрит змея, пригвождая к земле кролика. Так прищуривается охотник, натянув тетиву, поймав острием стрелы влажный глаз косули.

«Черный, – мысль сверкнула обжигающей молнией, – черный с трех вершин!».

Человек отвел взгляд и Зоул понял, что ошибся. Но поспешность, с которой незнакомец это сделал, насторожила еще больше. Он не хотел, чтобы его интерес заметили.

Зимер и Савин продолжали беспечно глазеть по сторонам, медленно пробираясь к племенной палатке, а их товарищ, отсчитав десяток шагов, осторожно оглянулся и вновь заметил рядом черноволосого. Тот склонился над чем-то, разложенным на земле. Но, обернувшись в третий раз, Зоул не нашел знакомого, как ни вглядывался в окрестную толпу.

Спутники стояли у шеста. Над ними шуршали на ветру бурыми перьями распахнутые крылья кайры. Перед ними вырастали из земли кряжистые столбы с развилками наверху, похожими на птичьи лапы. На них покоились толстые переклады, придавленные бревенчатым накатом, застеленным корой и дерном. Землянка врезалась в зеленый склон, усыпанный крупной мелкими голубых цветов. Низкий вход завешен толстой лосиной шкурой. На коротком чурбачке, привалившись спиной к столбу, сидел седой, как лунь, длиннородый старик, сжимая в руке отполированную до блеска палку – костыль. Только острый наметанный глаз мог заметить вправленные в древесину золотые нити и костяные пластинки, чтобы понять, что это не просто палка.

Перед землянкой на широких полосах лыка лежало то, что Зоул не раз сам ловил и добывал вместе с другими соплеменниками – раковины и сушеная рыба, панцири черепах, ягоды и коренья. На козлах висели шкуры косуль, росомах и птиц. Но самое ценное – несравненная голубая краска в маленьких ракушках, которую женщины племени готовили из рыбьего клея, жира, синей глины и мягкого голубого камня, что встречались только в окрестностях поселка Кайр. Как они ее делали, не знали даже мужчины. Эта краска да еще зеленоватые камни из прибрежных утесов птичьего мыса были главным богатством племени и ревниво охранялись. Не однажды в голодные годы, обмененные на сушеную рыбу, зерно и орехи они спасали своим владельцам жизнь.

Едва заметив юношей, старик вскочил, и, опершись на палку, поспешил навстречу гостям.

– Ладонь Матери Всех над тобой и твоим родом муд... – начал обычное приветствие Савин, но старик перебил его на полуслове и затараторил:

– Добра Мать. Добра к нам. Каких гостей послала мне сегодня, а я старый слепой крот и не вижу. Зимер, медвежонок, как ты подрос, да и в плечах раздался. Ну, вылитый отец, пусть земли вечного лета будут к нему добры... И ты, Савин, совсем красавцем стал. Наши девки тебе, поди, проходу не дают... ну да ничего, немного им терпеть, – хитро подмигнул юноше старик. – И ты подойди, подойди, Зоул, ведь так тебя прозвали наши сорванцы. Ты не помнишь меня? Да проходите, проходите, свежие лепешки как раз спели. Ну, говорите, говорите, что нового в наших пещерах? Давно я там не был, давно. Уж почитай десяток лун. Говорил я Гуору, говорил, найди, кого помоложе, вместо меня, так нет же, опять старика отправил. А вас, значит, пораньше, до старших... Ну, идите, идите внутрь.

Хозяин затолкал всех троих в землянку.

– Вот и хорошо, вот и славно – бормотал старик, рассаживая соплеменников на бугристые кряжи вокруг очага, обложенного плоскими окатышами, на которых исходили ароматным паром аккуратные румяные лепешки из зерна и орехов. – Больше мудрых, крепче племя. Густой лес буре не свалить, нет, не свалить. – Тут он вдруг запнулся, но сразу же вновь затараторил: – Да вы ешьте, ешьте, не слушайте меня, старого болтуна.

Гостям досталось по куску вяленой рыбы с хлебцем и Зоул, повинувшись спазмам голодного желудка, вгрызся в хрустящую корочку.

Пока молодежь набивала животы, в жилище протиснулся Стоир, один из четверых охотников Кайр, хранивших меновые запасы и покой поля, выполняя волю совета племен. Едва

передохнув, Зоул с Савином отправились бродить по рядам палаток под его присмотром, вновь окунувшись в пеструю толпу. Зимер остался в землянке, но вскоре, передав старику свое тайное послание, присоединился к спутникам. С видом опытного мужчины он деловито и обстоятельно рассматривал выставленное оружие. Восхищенно восклицая, брал в руки бесценные зеленовато-медовые бронзовые ножи, отполированные до зеркального блеска, поднимал тяжелые топоры из серого слоистого камня, трогал обсидиановые наконечники копий, мерцающие нефритовые лезвия, широкие, как лист водяной звезды, древки и рукояти из прочного дерева, украшенные резьбой и камнем.

Савин изредка задерживал взгляд на луках и тетивах, и охотно останавливался у пестрых иноземных одеяний, блестящих рассыпчатых мехов и украшений – амулетов из меди и камня.

Зоул смотрел вокруг с интересом, но ни одна вещь не тронула его желанием владеть. Он чувствовал, вскоре предстоит продолжить путь, в котором они будут только обузой.

Стоир откровенно скучал, коротко отвечая на вопросы юношей. Все вокруг было ему давно не в диковинку и набило изрядную оскомину. Охотник тосковал по родным лесам, своей землянке, подруге и ее костру. Он ждал дня, когда лодки старейшин привезут ему смену. В тех же лодках придут старшие из матерей, еще до рассвета принесут дары в святилище, а на рассвете тень морского пальца ляжет меж холмов, так похожих на женские груди и достигнет острием трех камней. От первых лучей Жара Небес в красной чаше Томэ возгорится чистый священный огонь. Возвращаясь домой, охотник станет охраной для частицы этого пламени, унесенного женами Кайр из святилища, чтобы вновь возжечь свои очаги.

Вскоре юноши достигли последних землянок и оказались у ограды Поля Племен из жердей и столбов, увешанных черепами зверей птиц и даже людей – врагов Детей Пернатого. Путь от моря к святилищу проходил через высокие ворота. Невделеке от них охотники, собравшись в круг, кричали и размахивали руками. Стоир оживился и поспешил присоединиться к толпе, позвав за собой подопечных. У подножия резного столба, на растянутой шкуре шла игра. Игроки, сидя на корточках, метали резные кости, подобные гадательным, только на гранях вместо священных знаков стояли цветные точки – число бросков. Складывая из пальцев сложные фигуры и долго прицеливаясь, кидали на шкуру роговые пластинки, выбивая чужие кружки за край, стараясь не задеть костей, иначе игра начиналась сначала. Соплеменники и просто случайные зеваки шумно подбадривали, охали и ругались, когда кто-нибудь промахивался. Удачник забирал заклад, и место выбывшего занимал другой игрок.

Дождавшись своей очереди, Стоир сел к шкуре, вынув из мешочка на поясе полупрозрачное лезвие обсидианового ножа. Его противник – рыжий северянин в меховой безрукавке выложил рядом с лезвием три кремневых наконечника для стрелы с плоским, как долото, острием.

Охотник Кайр кивнул в знак согласия и сгреб рукой кости. Первый бросок был удачен. Провожатому юношей выпало четыре биты. Его противнику только две. Судья из Чирков выбросил на шкуру пластинки широким веером и Стоир сделал первый бросок. С глухим стуком три пестрых черепаховых кругляша выкатились за кожаное поле. Северянин крякнул и долго целился, прежде чем сделать ответный ход.

Зоул увлекся игрой, перестал замечать, что творится за пределами кожаного круга. Но вдруг его лицо кольнул памятный тяжелый взгляд. Оторвавшись от шкуры он обнаружил напротив, за спинами охотников, черноволосого, встреченного утром. Как и тогда, незнакомец поспешил опустить глаза и скрылся за ближайшей землянкой. Но на этот раз юноша внимательно следил за ним.

Вскоре черноволосый появился снова, важно прошествовал через ворота и направился к одинокой, согнутой дугой, ветле, неподалеку от ограды. У ее корней пузырился кожаный полог, обложенный с боков хворостом. Зоул удивился – согнутые деревья – знак нижнего мира, ни один из детей Матери Всех даже не присел бы передохнуть под их ветвями, не то, что ста-

вить палатку. Однако вокруг дымящегося костра сидело пятеро мужчин в лоснящихся безрукавках и штанах из чешуйчатой кожи. В заплетенных множеством кос черно-смоляных волосах блестели пестрые ленты. – змеиные выползки.

Незнакомцы что-то обсуждали, размахивая руками и скаля зубы в странной гримасе – ухмылке. Подойдя к соплеменникам, черноволосый бросил несколько слов, и спор мгновенно утих. Теперь все пятеро молча глядели в костер.

Стоир, тем временем, успел потерять заклад, вернуть его и, наконец, с прибытком выйти из игры. Близился вечер, дети кайры отправилась обратно к землянке. Вдруг Зоул ощутил, как пять игольно-острых взглядов на мгновение вонзились в спину. Хотя юноше очень хотелось обернуться, но он крепился и продолжал шагать вслед за провожатым. И только когда полог скрылся за кровлями хижин и землянок, задал Стоиру вопрос:

– Те пятеро, что сидели под согнутым деревом, кто они?

– Дети Змеиной Матери, – нехотя ответил охотник, и Зоул невольно вздрогнул. — Держись от них подальше. Здесь им никто не верит... – Воин быстро сделал пальцами знак, призывающий предков на защиту, сплюнул и презрительно добавил: – Их и терпят на поле только из-за песка для полировки да кремней. Таких крупных больше ни у кого не сыщешь. И слоятся уж больно хорошо... Говорят, они там, в полуночных горах, превращают в камень головы своих пленников... – последние слова он произнес шепотом и опять сделал знак.

Усталое солнце золотило подбрюшья облаков. Юноши сидели у порога, глядя на закат, наслаждаясь вечерним теплом и сытостью. Стоир похрапывал в землянке. Два его товарища, расспросив гостей о делах племени, ушли нести стражу.

Из-за полога вынырнул старик и принялся загонять молодежь под крышу.

– Идите отдыхать, завтра тяжелый день, большой день, нельзя так, нельзя...

Поддавшись увещаниям, троица улеглась на свободных лежанках. Прожитый день мелькал перед глазами пестрой россыпью картинок, но усталость сделала свое дело, и сон не заставил ждать.

Глава 6. Нити и гребень

Костяные зубцы, подцепив серо-голубую жилку, начали тянуть ее вниз из клубящегося молочного тумана. Вскоре показался узел. Толстая багровая нить туго обхватила серую и еще одну, черную как ночь, с сияющими белыми вкраплениями. Рука попыталась раздвинуть волокна, но багровая жила, точно змея, вновь обвивалась вокруг них, соединяя вместе. Тонкие пальцы аккуратно ухватили пучок ниже узла, и гребень начал расчесывать жгут, вырывая белые искры из черной нити и синие из серой. Сапфировая и алмазная пыль повисла в белом пламени и разом осела, слагаясь в голубое небо и белые камни.

Горячий полуденный свет лился на сухую равнину, по которой ползли навстречу друг другу два безбрежных моря людей, две сильные армии. Под лязг оружия и грохот барабанов, вой раскрученных на шнурах громовых камней и рев рогов лавины неуклонно сближались. Одна сверкала медью мечей и шлемов, другая черными полированными щитами и наконечниками копий с пучками перьев.

В стороне над степью возвышался курган, увенчанный короной стоячих камней. Грани сияли лучами солнца, подобно огромным кристаллам. У подножия виднелись крохотные фигурки людей. Шестеро мужчин в белых меховых плащах наблюдали, как сходятся воинства.

Сейчас они видели глазами пятерых братьев, шагавших в первых рядах, глядя на свое отражение в черных зеркалах щитов. Чужаки в кожаных доспехах с воронеными пластинами приближались, земля дрожала от колес боевых повозок, и поступи тысяч людей.

Шестеро всей душой рвались встать в эти ряды, столкнуться с врагом грудью, но оставались здесь, черпая силу у священного места, отдавая братьям по стае, помогая вселять в смертных уверенность, наделять силой и бесстрашием. Но, пытаясь подавить, испугать, заставить бежать с поля боя врагов, они чувствовали сопротивление иной силы – равной, а может быть и большей. Ее истоки – парящие черные точки в раскаленных добела небесах.

Волк бежал по степи, чувствуя потоки ярости, борющиеся над равниной, желая скорей встать в круг на холме, уронить капли своей жизни в общую реку.

Две армии столкнулись, оросив пыльную траву первой кровью. Над равниной разлился звон оружия, яростные крики и последние стоны. Темные точки оставили поле боя и начали снижаться, собираясь над холмом. Крапинки на ткани неба выросли в больших иссиня-черных птиц. Вороны падали вниз, сложив крылья, лишь в последний миг распахивая их, оставив безумный полет, а коснувшись земли, одевались дымом, становясь высокими воинами, закованными в чешуйчатые панцири, словно в перья, неся в каждой руке по длинному мечу.

Один из них темной молнией пал на камень в центре белого круга, разбившись вдребезги, но и его расколов надвое. В этот миг волку показалось, что у него вырвали сердце. Ручей, поивший живительной влагой, иссяк. Следом обрушились новые мгновенные удары боли и холода. Зверь чувствовал, как один за другим гибнут его братья. Потом наступила тишина. Это было самым непривычным и жутким. Впервые за много лет он остался один. С тишиной пришел страх, выжиг остатки мужества и гордости, заставив мысли метаться в ужасе под гулким сводом черепа.

Он бросился бежать. Стремясь укрыться от угрозы, веющей с неба, помчался на восток и не видел, как от парящей в небе стаи отделилась одна из птиц, устремившись за ним по не остывшему следу.

Зоул проснулся среди ночи в холодном поту и долго глядел в темноту. Перед глазами еще проносились недавние видения. Рядом слышалось спокойное сопение и храп мужчин. Закрыв глаза, попытался вновь уснуть, но не смог. Картины обретали четкость и реальность, окатывая

давним ужасом. Если прошлое таково, стоит ли пытаться оживить его вновь? Может быть, он сам хотел позабыть?

Но и просто лежать без сна было уже не в мочь. Томило смутное беспокойство, неясный призыв. Вволю поворочавшись, он, наконец, выбрался на вольный воздух. Оставив позади опустевший, погасивший огни поселок, поднялся по склону и подставил лицо прохладному ветерку с моря.

Отсюда была хорошо видна часть бухты и снежно-белый Морской Палец на ней. Луна едва просвечивала сквозь белесую завесу облаков, и редкие лучи играли на волнах, четко отделив гладь воды от темной ленты берега. Менгир мерцал собственным перламутровым свечением, стекавшим с его граней словно струйки тумана. Даже волны, лижущие его непроницаемо черное подножие, искрились тем же неземным сиянием.

Посреди бухты возвышался родной брат стоячих камней из сна. И от него тоже шел призыв, едва различимый голос, зовущий, молящий, обещающий.

На плечо юноше опустилась легкая морщинистая рука. Но он не вздрогнул, словно ожидал этого. Рядом, опираясь на свой костыль, стоял старик – хранитель племенной землянки.

– Что, сон сбежал? – спросил он, глядя на каменного исполина.

Зоул молча кивнул.

– В такие ночи я тоже слушаю его. Сильнее всего это, когда луна полная. Ведь ты тоже слышишь? – мудрый вопросительно глянул на юношу и тут же сам ответил, – слышишь, знаю.

Старик, крикнув, опустился на траву, положив палку-посох на колени. Юноша сел рядом. Некоторое время оба молчали. Безмятежность летней ночи разливалась вокруг. Вкрадчиво шипели волны, вползая на берег, шептались подсыхая травы. Потом Зоул спросил, заморожено следя за игрой воды и света.

– Откуда он здесь, мудрейший?

– Разное говорят. – Старик помолчал, что-то припоминая, потом полупшепотом, опасаясь нарушить таинство тишины, продолжил: – Южные племена верят, что он поднялся из пучины на спине вечного краба вместе с юной землей. Наши старейшины знают, что это осколок от скорлупы яйца Пернатого предка. Им он отметил место, где впервые ступил на наши берега. А рыбаки с полночных островов рассказывают, что очень давно у морского хозяина, Великого Ящера, был сын от земной женщины полуденных племен. Хоть и был он великаном небывалой силы, но на половину смертным. Одно только получил в наследство от отца: власть повелевать бурями, волнами и ветрами морскими. Старый ящер давно ушел в неведомые глубины и не вмешивался в дела верхнего мира. Тогда сын его возомнил себя владыкой вод и побережий. Подчинил приморские племена, требовал дани и красивых девушек себе в жены. Долго правил, стало ему скучно. Пошел на полночь. Было то еще до рождения Пернатого, в землях наших жили лишь птицы да звери. Здесь, на диком берегу, встретил великан девушку небывалой красоты. Сидя к нему спиной, полоскала она в волнах прибоя огненные волосы. Удивился он, ведь уже много дней не встречал людей, потом, плененный ее красотой, воспылал страстью и захотел увести незнакомку в свои подводные пещеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.